

АНДРЕА
СТЮАРТ

ДОЧЬ
КОСТЯНЫХ
ОСКОЛКОВ

ТОНУЩАЯ ИМПЕРИЯ
КНИГА 1

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ ФЭНТЕЗИ-РОМАНОВ,
ПРОЧИТАННЫХ МНОЙ ЗА ДОЛГОЕ ВРЕМЯ.

— САРА Д.Ж. МААС

Андреа Стюарт
Дочь костяных осколков
Серия «Тонущая Империя», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66749568

*Тонущая Империя. Книга 1. Дочь костяных осколков: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-20440-9*

Аннотация

Лин коротает свои дни во дворце, среди запертых дверей и мрачных секретов. Она дочь человека, который многие десятилетия правил древней Империей Феникса. Власть его была крепка – звероподобные слуги, создаваемые им при помощи колдовства, обеспечивали закон и порядок.

Но теперь Империи грозит гибель – многие острова Бескрайнего моря охвачены восстанием, а старый правитель бездействует. Лин страстно желает спасти свой народ, но из-за болезни она утратила память, после чего отец отказался считать ее своей наследницей и обучать ее магии осколков.

И тогда Лин решается тайно овладеть запретным искусством... Впервые на русском!

Содержание

1	7
2	25
3	38
4	56
5	63
6	77
7	82
8	104
9	117
10	134
11	144
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Андреа Стюарт

Тонущая Империя. Книга

1. Дочь костяных осколков

*Моей сестре Кристен, которая прочитала
почти все, что я написала. С меня причитается*

Andrea Stewart

BONE SHARD DAUGHTER

Copyright © 2020 by Andrea Stewart Inc.

Map illustration © 2020 by Charis Loke

All rights reserved

© И. Б. Русакова, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

1

Лин

Императорский остров

Отец сказал, что я неполноценна.

Пока я отвечала на его вопрос, он не выражал своего разочарования словами. Он втянул и без того запавшие щеки, и левая сторона его рта слегка дернулась вниз, но борода почти скрыла это движение.

Отец научил меня читать мысли по лицу и знал: я хорошо усвоила урок, так что можно считать, он сказал это вслух.

Вопрос был такой:

– Кто твой самый близкий друг детства?

Мой ответ:

– Не знаю.

Воробьи летают стремительно, я бегаю не хуже, имперские учетчики ловко считают на абаке, я делаю это не хуже, и я могу перечислить названия всех островов Империи за время, пока заваривается чай. Но я не могу вспомнить свою

жизнь до болезни. Иногда мне кажется, что я никогда этого не вспомню, что та девочка, которой я была, потеряна для меня навсегда.

Заскрипело кресло, отец пошевелился, выдохнул – долго, как будто до этого задерживал дыхание, и пристукнул по столу медным ключом.

– Как я могу доверить тебе свои секреты? Как я могу признать тебя своей наследницей, если ты не знаешь, кто ты такая?

Я знала, кто я. Я – Лин. Я – дочь императора. Я выкрикнула ответ в своей голове, отец не мог его услышать. Мое лицо ничего не выражало – в отличие от отца, я хорошо прятала свои мысли. Он ценил мое умение постоять за себя, но в этот раз оно его не порадовало. Так было всегда, когда разговор заходил о моем прошлом.

Тем временем я изо всех сил старалась не пялиться на ключ.

– Задай еще один вопрос, – предложила я.

Порыв ветра хлестнул по ставням, в комнате сразу запахло океаном и водорослями. Ветер лизнул меня по шее, но я не вздрогнула, я смотрела в глаза отцу и надеялась, что он увидит – мой дух крепок и во мне нет страха. Ветер принес запах восстания, я чувствовала его, как почувствовала бы запах засоленной в чанах рыбы, он был таким же явным и насыщенным. И я могла бы все уладить, если бы только у меня были для этого полномочия. Если бы отец позволил мне до-

казать свою состоятельность.

Он снова стукнул ключом по столу:

– Хорошо. – Колонны из тика за креслом делали отца больше похожим на какой-то зловещий портрет, чем на живого человека. – Ты боишься морских змей. Почему?

– В детстве одна укусила меня.

Отец взглядывался в мое лицо. Я задержала дыхание. Снова задышала. Сцепила пальцы, сразу заставила себя расцепить. Если бы я была горой, отец в поисках моей сердцевины пробирался бы к ней по стержневым корням можжевельника, откидывая камни на своем пути.

И добрался бы, он бы ее обязательно нашел.

– Не лги мне, девочка, – прорычал отец. – Не гадай. Да, ты – моя плоть и кровь, но это еще не значит, что ты моя наследница. Я могу сделать своим наследником приемного сына.

Как бы я хотела все помнить! Этот человек когда-нибудь гладил меня по голове? Целовал в лоб? Он любил меня до того, как я забыла те времена? Любил, когда я была цельной, а не ущербной? Кому задать все эти вопросы? Хоть кто-то может на них ответить?

– Прости меня.

Я склонила голову. Волосы упали мне на глаза, и я воровато посмотрела на ключ, которым отец постукивал по столу.

Большинство дверей во дворце были заперты. Отец бродил из комнаты в комнату, используя магию осколков ко-

стей. Чтобы править, надо овладеть этой магией. Я заслужила шесть ключей. У приемного сына моего отца было семь. Иногда мне казалось, что вся моя жизнь – это поединок.

– Ладно. – Отец откинулся в кресле. – Можешь идти.

Я встала, чтобы удалиться, но передумала.

– Когда ты научишь меня магии осколков костей? – спросила я и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Ты говоришь, что можешь назначить Баяна своим преемником, но не делаешь этого. Я все еще твоя наследница, и я должна знать, как подчинять себе конструкции. Мне двадцать три, а тебе...

Я умолкла, потому что не знала возраста своего отца. На его руках виднелись пигментные пятна, а гладкие волосы были серыми, как сталь. Я не знала, сколько ему осталось. Но я могла себе представить, что наступит время, когда он уйдет и оставит меня без знания. И тогда уже никто не сможет защитить Империю от Аланги.

У меня, сколько я ни искала, не было воспоминаний об отце, о заботливом отце, которому не все равно.

Отец кашлянул в рукав, мельком глянул на ключ, и голос его смягчился:

– Научу, когда обретишь цельность.

Я его не поняла, но почувствовала, куда можно надавить:

– Прошу, научи. Что, если я никогда не стану цельной?

Отец смотрел на меня, и печаль в его глазах, как острые когти, заскребла по моему сердцу.

Я помнила последние пять лет. Все, что было до того, – в

тумане. Я потеряла что-то драгоценное, вот только бы знать что.

– Отец, я...

Кто-то постучал в дверь, и отец снова стал холодным как камень.

Не дожидаясь ответа, в комнату проскользнул Баян. Я была готова послать его куда подальше. Он шел ссутулившись и двигался беззвучно. Глядя на него, можно было подумать, что Баян трусит, но я-то его знала. У него была кошачья походка, он ступал, как подкрадывающийся хищник. На нем был кожаный фартук поверх туники, и руки у него были в крови.

– Я закончил с доработками, – отчитался на входе Баян. – Ты сказал, что я сразу должен показать результат.

За ним, цокая копытцами, ковыляла конструкция. Если не считать торчащих изо рта клыков и загнутого обезьяньего хвоста, она была похожа на оленя. И еще у нее из лопаток росли небольшие крылья, и мех вокруг них был в пятнах крови.

Отец развернулся в кресле и положил руку на спину конструкции. Конструкция посмотрела на него большими влажными глазами.

– Грязная, – заметил отец. – Сколько осколков ты потратил на то, чтобы она подчинялась команде?

– Два. Один, чтобы шла за мной, второй, чтобы подчинилась команде «стоять».

– Следовало потратить один. Она идет за тобой, пока ты не приказываешь ей остановиться. Фраза в первой книге, которую я тебе дал.

Отец взял конструкцию за крыло и слегка потянул, потом отпустил, и крыло плавно опустилось на место.

– Однако твоя конструкция великолепна, – заключил он.

Баян искоса посмотрел на меня. Я не отвела взгляда. Никто из нас никогда не отводил взгляда, всегда – кто кого. Глаза у Баяна были даже темнее моих, а когда он кривил губы, становилось только заметнее, какие они сочные. Думаю, он красивее меня, но я постоянно была уверена в том, что умнее его, а это всегда важнее. Баян никогда даже не пытался прятать свои чувства, он демонстрировал свое презрение ко мне, как ребенок показывает всем свою самую любимую ракушку.

– Попробуй еще раз с новой конструкцией, – сказал отец, и Баян отвел взгляд.

Этот маленький поединок выиграла я.

Отец потянулся пальцами к конструкции. Я задержала дыхание. Такое я видела всего два раза. То есть помнила только, как он два раза это делал. Кисть отца вошла в конструкцию, та только моргнула, как будто ничего такого с ней не происходило. А потом отец вытащил из нее руку, и она оцепенела, застыв как статуя. В руке у отца было два мелких осколка кости.

Его пальцы были в крови. Он опустил осколки в протяну-

тую ладонь Баяна.

– А теперь идите. Оба.

У двери я оказалась первой. Подозреваю, Баян задержался, потому что надеялся услышать от отца что-то еще, а я привыкла к манере отца резко прерывать разговор, к тому же мне было чем заняться. Я выскользнула за дверь и придержала ее для Баяна: у него ведь руки были в крови, а отец ценил чистоту и не терпел грязи.

Проходя мимо, Баян недобро зыркнул на меня. За ним тянулся шлейф запахов меди и благовоний. Он был сыном губернатора маленького острова, ему повезло, что отец приметил его и сделал своим воспитанником. И Баян принес во дворец болезнь, которой еще не знали в Империи. Говорят, я заболела вскоре после его появления и выздоровела немного позже его. Но он не потерял столько памяти, сколько я, и даже смог вернуть какую-то ее часть.

Как только Баян скрылся за углом, я резко развернулась и побежала в конец коридора.

Когда я открыла ставни, ветер едва не разбил их о стены дворца. Скаты черепичной крыши были как горные склоны. Я перелезла через подоконник и закрыла за собой окно.

Передо мной лежал весь мир – с крыши дворца можно было увидеть город и гавань. Я даже видела лодки рыбаков, которые ловили в океане кальмаров, их фонари светились, словно рожденные на земле звезды. Ветер потянул меня за тунику, пробрался под нее и принялся покусывать кожу.

Действовать надо было быстро. К этому моменту прислуга уже убрала оленя Баяна. Я, то и дело соскальзывая по черепице, побежала по крыше в ту сторону дворца, где располагалась спальня отца. Он никогда не приносил в комнату вопросов связку с ключами. И не брал с собой конструкции, которые выполняли роль стражей. Я считывала едва заметные знаки на его лице. Отец мог ругать меня или еще как-то выражать свое недовольство, но, когда мы оставались наедине... он меня боялся.

Черепица пощелкивала у меня под ногами. На стенах дворца притаились тени – конструкции. Они выполняли простую команду: заметил непрошеного гостя – поднимай тревогу. Никто из них не обратил на меня внимания, даже притом, что я находилась там, где не должна быть. Я не считалась нарушителем.

Конструкция Чиновник к этому времени уже наверняка передавала отцу рапорты. Днем я видела, как Чиновник их перечитывал, шевеля губами на волосатой морде, и сортировал: задержка с отгрузкой товара из-за стычки; Иоф Карн ворует и торгует крадеными умными камнями; горожане уклоняются от исполнения долга перед Империей.

Я спрыгнула на отцовский балкон. Дверь в комнату была приоткрыта. Обычно там никого не было, но не в этот раз. Изнутри доносился приглушенный рык. Я замерла. Черный нос шире приоткрыл дверь. На меня смотрели желтые глаза. Бинг Тай – одна из самых старых конструкций отца – ца-

рапая пол когтями, сделал пару шагов в мою сторону. Мохнатая морда с вкраплениями седины, но все зубы на месте, причем каждый резец размером с мой большой палец.

Бинг Тай задрал верхнюю губу, шерсть у него на загривке встала дыбом. Он был порождением ночных кошмаров, помесью крупных хищников, с черной клочковатой шерстью, которая сливается с темнотой. Он сделал еще один шаг.

Возможно, Баян не такой уж и глупый, возможно, из нас двоих глупая – это я. И отец после чая найдет на своем балконе куски моего растерзанного тела. Так я тогда подумала.

До земли было слишком далеко, а мой рост не позволял дотянуться до водосточного желоба крыши.

– Бинг Тай, – сказала я и сама удивилась тому, каким спокойным был мой голос, – это я, Лин.

Я прямо почувствовала, как в голове конструкции столкнулись две команды. Первая: «Защищай комнату». Вторая: «Защищай семью».

Какая команда сильнее? Спроси меня раньше, я бы, не раздумывая, поставила на вторую, но в тот момент я не была в этом так уверена.

Главное – не сдавать позиции и не показывать противнику свой страх. Я протянула руку прямо к носу Бинга Тая. Он видел меня, слышал меня и, возможно, должен был меня понюхать.

Правда, он мог захотеть попробовать меня на вкус, но я старалась об этом не думать.

Холодный влажный нос ткнулся мне в ладонь. Баян мог понарошку бороться с конструкциями так, будто они – его братья. Я была не такой, я не могла забыть о том, кто они. На меня словно накинули удавку, дышать становилось все труднее, грудь сдавило до боли.

Но потом Бинг Тай сел на задние лапы, наострил уши и перестал скалить зубы.

– Хороший Бинг Тай, – дрожащим голосом сказала я.

Время поджимало.

Завеса скорби в комнате была как толстый слой пыли на мамином комодe. Ее украшения так и лежали на туалетном столике, а тапочки стояли рядом с кроватью, словно ждали хозяйку. Мне не давали покоя вопросы отца о моем прошлом, но еще больше меня тревожило то, что я не знала, любил ли он меня, когда я была ребенком. И то, что я не помнила маму.

Иногда я слышала, как перешептывались оставшиеся в замке слуги, и кое-что почерпнула из их разговоров. В день смерти мамы отец сжег все ее портреты. Он запретил произносить вслух ее имя. Он предал мечу ее служанок. Он ревностно охранял память о ней так, будто никому, кроме него, не дозволено было о ней помнить.

Надо было сосредоточиться.

Я не знала, где отец хранит копии ключей, которые он раздавал нам с Баяном. Он всегда доставал их из сумки на поясе, а я никогда бы не рискнула стащить их оттуда. А вот

цепь с оригиналами ключей лежала на кровати. Так много дверей. Так много ключей. Я не представляла, какой от какой комнаты, и наугад выбрала золотой ключ с вставленным в головку нефритом.

Выйдя в коридор, я, чтобы не сработала защелка, вставила под дверь щепочку.

К этому времени чай уже заварился. Отец читал донесения и задавал вопросы Чиновнику. Я надеялась, что у него их будет достаточно.

Я побежала. В главных коридорах дворца не было ни души. Лампы подсвечивали потолок красным. Тиковые колонны у выхода на лестницу обрамляли поблекшую фреску на стене второго этажа. Я мчалась вниз, перешагивая через ступеньку, и каждый свой шаг ощущала как маленькое предательство.

Что-то мне подсказывало: можно подождать, надо быть покорной и стараться ответить на вопросы отца, чтобы излечить свою память. Но в глубине моей души жила холодная непреклонность, она как мечом рассекала чувство вины на пути к суровой правде. Я никогда не смогла бы стать такой, какой хотел видеть меня отец, если бы не взяла то, что хотела. Он не оставил мне выбора, надо было показать ему, что я чего-то да стою.

Я выскользнула из дворца в тихий двор. Парадные ворота были закрыты, но я была маленькой и сильной. Пусть отец не обучил меня магии, за время, пока мы с Баяном жили вза-

перти в секретной комнате, я научилась кое-каким другим вещам. Например, лазить по стенам.

Стены были чистыми, но давно обветшали, штукатурка во многих местах обвалилась и обнажила каменную кладку, так что взбираться по ним было довольно легко. Обезьяноподобные конструкции на стене дворца только мельком посмотрели в мою сторону своими прозрачными глазами и снова переключили внимание на город.

Когда я ступила на землю по другую сторону стены, это было такое испытание, что меня аж в дрожь бросило. Я бывала в городе прежде – наверняка бывала, – но сейчас все было как в первый раз. На улицах пахло рыбой, растопленным маслом и остатками ужина. Мостовая была темной и скользкой от помоев, которые выплескивали из домов. Звякали котелки, бриз разносил приглушенные голоса людей.

Ставни на первых встретившихся мне на пути лавках были закрыты на замки.

Слишком поздно?

От стен дворца я увидела фасад кузницы. Это мне и требовалось. Я сделала глубокий вдох и помчалась по узкому переулку.

Кузнец еще не ушел и с перекинутым через плечо мешком как раз закрывал дверь.

– Погодите, – попросила я, – прошу, примите еще один заказ.

– Мы закрыты, – недовольно буркнул кузнец. – Завтра

приходите.

У меня от отчаяния перехватило дыхание.

– Плачу вдвойне, если начнете работу сегодня вечером.

Всего один ключ.

Кузнец наконец повернулся в мою сторону и окинул взглядом мою вышитую шелковую тунику. Поджал губы. Видно раздумывал – не завесить ли свою обычную цену, но потом просто вздохнул и махнул рукой:

– Два серебряных, такая моя обычная цена.

Он был хорошим, законопослушным человеком.

Мне сразу полегчало. Я достала из сумки на поясе две монеты и положила их на мозолистую ладонь кузнеца:

– Вот, держите. Ключ нужен срочно.

Не стоило этого говорить. Кузнец скривился, но все-таки открыл дверь и впустил меня.

Коренастый и широкоплечий, хозяин занимал половину свободного места в своей мастерской. По стенам были развешены металлические инструменты, кое-где они даже свисали с потолка. Кузнец взял огниво и снова зажег лампы. Потом повернулся ко мне:

– Раньше завтрашнего утра не сделаю.

– Но вам не обязательно оставлять оригинал у себя?

Он покачал головой:

– Слепок могу сделать сегодня, но ключ будет готов завтра.

Шансов вернуться сюда утром было мало, да и духу могло

уже не хватить, но я заставила себя отдать кузнецу отцовский ключ. Кузнец глянул на ключ и взял из каменного корыта комок глины. Вдавил в него ключ и вдруг замер, даже дышать перестал.

Шагнув к нему, я потянулась за ключом и только в этот момент увидела то, что увидел он, – в основании головки ключа, прямо над стержнем, было выбито рельефное изображение феникса.

Когда кузнец посмотрел на меня, его широкое лицо было бледным, как луна.

– Это ключ императора. Кто вы? Откуда он у вас?

Мне следовало схватить ключ и бежать. Я была проворнее кузнеца, могла выхватить у него ключ и выскочить из кузницы, он бы даже глазом моргнуть не успел. И все, что у него было, – это история, в которую никто не поверит.

Но поступи я так, лишилась бы возможности получить копию ключа. И ничего не узнала бы. Я бы застряла там, где была в начале дня, – память затуманена, мне не выудить из нее ответы на вопросы отца; сколько ни стараюсь, они всегда неправильные. А этот кузнец... он хороший человек. Отец научил меня паре приемов, с помощью которых можно разговорить и расположить к себе хорошего, законопослушного человека.

– У вас есть дети? – спросила я, аккуратно подбирая слова.

Цвет лица у кузнеца немного изменился, он уже не был

таким мертвенно-бледным.

– Двое. – Он нахмурился, как будто сомневался в том, стоит ли ему говорить со мной.

Я решила выложить все карты на стол:

– Я – Лин, дочь императора. После смерти матери он сильно изменился. Отгородился от всех, оставил совсем мало слуг и перестал встречаться с губернаторами островов. Назревает мятеж. Безосколочные уже захватили Халут, они стремятся расширить свои владения. И еще – Аланга. Кто-то может и не верить в то, что они возвращаются, но это моя семья удерживала их от возвращения. Вы хотите, чтобы по вашим улицам маршировали солдаты? Хотите, чтобы война была у вас на пороге? – Я тронула кузнеца за плечо. – На пороге дома ваших детей?

Кузнец непроизвольно поднял руку к шраму за правым ухом. Такой шрам был у каждого горожанина. Это место, откуда вырезали кусочек кости черепа, а потом их уносили в подвал императорского замка.

– Мой осколок, он усилил конструкцию? – спросил кузнец.

– Не знаю.

Не знаю, не знаю... Как же мало я знала!

– Но если я проберусь в подвалы отца, я поищу ваш осколок и принесу его вам. Не могу ничего обещать. Хотела бы, да не могу. Но я постараюсь.

Кузнец облизнул пересохшие губы.

– Мои дети?

– Посмотрю, что можно сделать.

Больше я ничего не могла сказать – все без исключения должны были участвовать в Празднике десятины.

Лоб кузнеца заблестел от пота.

– Я все сделаю, – сказал он.

Отец уже наверняка просмотрел доклады, отложил их в сторону и взял чашку с чаем. Отпил глоток и смотрит в окно вниз на городские огни.

У меня ручейки пота заструились между лопаток. Надо было вернуть ключ, пока отец меня не застукал.

В полумраке я наблюдала за тем, как кузнец делает слепок ключа. Как только он мне его вручил, я повернулась, чтобы бежать обратно во дворец.

– Лин! – окликнул меня кузнец.

Я обернулась.

– Меня зовут Нумин. Я прошел ритуал в одна тысяча пятьсот восьмом году. Нам нужен император, который нас защитит.

Что было на это сказать? Я просто побежала. Побежала по переулку к окружавшим дворец стенам.

Отец уже наверняка допивал чай и держал еще теплую чашку в ладонях.

Один камень отделился от стены у меня под пальцами. Полетел вниз. Я вся съежилась.

Отец опустил чашку на стол и смотрит на город. Как долго

он будет смотреть в окно?

Спускаться быстрее, чем подниматься. Я больше не чувствовала запахов города – только запах собственного дыхания. Я бежала к дворцу, и стены внешних зданий мелькали, как смазанные пятна. Дома для прислуги, зал Вечного мира, зал Земной мудрости, стены вокруг дворцового сада. Повсюду холод, мрак и пустота.

Я воспользовалась входом для прислуги и, перепрыгивая через ступеньку, побежала вверх по лестнице. Узкий проход вел в главный коридор, который огибал весь второй этаж дворца. Спальня моего отца была в противоположной стороне от входа для прислуги.

Как же мне хотелось, чтобы ноги у меня были длиннее... И мозгов побольше.

Я бежала и морщилась каждый раз, когда половицы скрипели у меня под ногами. Наконец оказалась напротив комнаты отца и проскользнула внутрь. Бинг Тай лежал на коврик у кровати. При моем появлении он встал и потянулся, как старый заспанный кот. Чтобы добраться до цепи с ключами, надо было перегнуться через него. От Бинга Тая несло, как от конструкции медведя с примесью затхлости шкафа с побитой молью одеждой.

Повесить ключ обратно на связку удалось только с третьей попытки – пальцы у меня были скользкими и непослушными, как угри.

Вернувшись к двери, я встала на колени, чтобы вытащить

щепку, и зажмурилась от света в коридоре. Надо было подумывать о том, как завтра вернуться за новым ключом в город. Но я шла к цели, я опустила щепку в сумку на поясе и даже не подозревала, что за мной наблюдают.

– Лин!

Это был Баян.

Мои руки и ноги окоченели. Что он видел? Я встала и посмотрела ему в лицо. Баян нахмурился и сцепил руки за спиной. Я приказала сердцу успокоиться. Мое лицо ничего не выражало.

– Что ты делаешь у комнаты императора?

2

Йовис

Остров Голова Оленя

Я понадеялся, что это была одна из моих мелких ошибок, не больше, и одернул полы камзола. Рукава оказались коротки, в талии камзол был слишком уж свободен, а в плечах широковат. Принюхался к воротнику и чуть не закашлялся от терпкого запаха звездчатого аниса.

– Если хочешь привлечь внимание таким ароматом, прискай на себя поменьше, – сказал я.

Совет полезный, но солдат, который лежал у моих ног, его не услышал.

Если собеседник в отключке, значит я говорю сам с собой?

Ну да ладно, униформа более-менее впору. В последнее время я только и полагался на «более-менее» и «худо-бедно». У меня в лодке лежало два полных стандартных ящика умных камней. Худо-бедно должно было хватить на то,

чтобы рассчитаться с долгами, месяца три более-менее нормально питаться, а заодно переплыть из одного конца Империи Феникса в другой. Но то, что я хотел получить, не терпело неопределенности: или да, или нет.

У пристаней я подслушал, как люди перешептывались о недавнем исчезновении, и, насколько я понял, оно было очень похоже на исчезновение моей Эмалы. Я бы проклинал себя до конца дней, если бы не выяснил что и как.

Выскользнув из переулка, я усилием воли заставил себя больше не одергивать камзол. На улице мне навстречу попала женщина-солдат; я кивнул, она кивнула в ответ. Я с облегчением выдохнул.

Перед остановкой я не сверялся с расписанием ежегодного Праздника десятины, а так как удача редко выступала на моей стороне, можно было не сомневаться, что Праздник проводится именно здесь.

Остров Голова Оленя был наводнен солдатами. И вот он я – торговец без контракта, который не раз и не два участвовал в стычках с солдатами императора. Я вцепился пальцами в край рукава и, не выпуская его ни на секунду, обследовал улицы острова. После экзамена по навигации мне сделали татуировку на запястье. Кролик. Не самая мужественная татуировка, но зато практичная – по ней всегда могут опознать мое выброшенное на берег раздутое тело. Но теперь я – контрабандист, и эта татуировка могла меня выдать. Татуировка и мое лицо. На листовках с моим изображением подбо-

родок не очень удачно нарисовали и глаза приставили слишком уж близко к переносице. Волосы у меня вьющиеся, но я коротко подстригся. И все-таки должен признать – сходство было. Пришлось заплатить сиротам, которые болтались по сточным канавам, чтобы они сорвали эти листовки, но спустя пять дней я увидел, как эти чертовы конструкции снова развешивают их по стенам.

Очень паршиво было то, что в комплект униформы императорских солдат не входила шляпа. Мне следовало прихватить свои умные камни и бежать, но Эмала, она не отпускала, я попался на крючок, и судьба тянула за лесу. Так, ведомый судьбой, я шел вперед и старался не привлекать к себе внимания.

Мужчина на пристани сказал, что исчезновение было совсем недавно, так что след еще не простыл. Время поджимало. Солдат не видел меня, когда я его вырубил, но у него на камзоле, на левом локте, была заплатка, и он легко мог ее узнать.

Солнечный свет проникал на улицу в узкие проходы между домами. За окнами сушилось белье.

– Не заставляй меня ждать! – кричал кто-то в одном из домов. – Сколько можно надевать пару башмаков?!

Океан был рядом, и к запаху топленого масла и тушеного мяса примешивался запах водорослей. Жители острова снаряжали своих детей на Праздник и заодно готовили еду к их возвращению. Вкусная еда не залечит раны, ни телес-

ные, ни душевные, но приглушит боль. В мой день трепанации мама устроила настоящий пир – жареная утка с корочкой, запеченные овощи, рис с ароматными специями, рыба в еще булькающем соусе. Перед тем как сесть за стол, мне пришлось хорошенько вытереть слезы.

Но для меня все это осталось далеко позади, шрам за правым ухом давным-давно затянулся. Я нырнул под повешенную на веревку еще сырую рубашку и оказался перед трактиром, который описывал мужчина на пристани.

Я толкнул дверь, она со скрипом прочертила дугу по деревянным половицам. Рано утром в трактирах обычно пусто, но в этот раз за столиками в пыльных углах сидели солдаты императора. С потолка свисала сушеная рыба. Я опустил голову, прижал руку к бедру и, держась ближе к стене, прошел в конец зала. Умел бы все планировать заранее, перевязал бы какой-нибудь тряпкой запястье. Да и ладно. Лицо – проблема похлеще руки, а его тряпкой не замотаешь.

За стойкой спиной к залу стояла крепкая широкоплечая женщина. Волосы убраны под завязанную на затылке косынку, несколько прядей выбились и прилипли к шее. Она склонилась над разделочной доской и, ловко работая пальцами, лепила дамплинги.

– Тетушка! – почтительно обратился я к трактирщице.

– Не называй меня так, – не оборачиваясь, сказала она. – Я еще не такая старая, в тетушки гожусь только детям. – Трактирщица отряхнула о фартук испачканные в муке руки

и вздохнула. – Что подать?

– Я хочу поговорить.

Трактирщица обернулась и внимательно оглядела мою униформу, а на лицо даже не посмотрела – так мне показалось.

– Я уже послала племянника на площадь. Думаю, переписчики его уже отметили. Ты здесь за этим?

– Вы Данила, да? Я хотел бы расспросить вас о вашей приемной дочери.

– Я доложила обо всем, что мне известно. – Лицо трактирщицы стало непроницаемым.

Я знал, какой прием ей оказали. Такой же, как и родителям Эмалы: пожали плечами, посмотрели как на помеху в важных делах. Молодые женщины иногда убегают, это не новость. И что теперь? Теперь все слуги императора должны броситься на ее поиски?

– Просто оставьте меня в покое, – сказала трактирщица и вернулась к своим дамплингам.

Возможно, солдат из переулка уже идет по улице, потирая ушибленную голову, и на языке у него вертится множество вопросов. Но Эмала... Ее имя звучало у меня в ушах и подталкивало к действиям.

Я обошел прилавок и встал рядом с Данилой у разделочной доски. Не дожидаясь разрешения, взял тесто и начинку и принялся лепить дамплинги. Данила на секунду растерялась, но потом снова принялась за дело.

В зале у нас за спиной два солдата поднимали ставки в карточной игре.

– А ты хорош, – проворчала Данила. – Ловко лепишь и быстро.

– Моя мама... она была... кухаркой...

Я мрачно улыбнулся и попытался припомнить, когда был дома в последний раз. Казалось, что в другой жизни.

– Она готовила лучшие на всех островах дамплинги. Я редко бывал дома, ходил под парусом, учился, чтобы сдать экзамен по мореходству, но мне всегда нравилось помогать ей на кухне. Даже после экзамена.

– Если ты сдал экзамен по мореходству, почему ты – солдат?

Я прикинул варианты. Обманывать я умел мастерски. Таких обманщиков еще поискать. Иначе мне бы уже давно не сносить головы. А эта женщина напомнила мне мою мать – грубоватая, но с добрым сердцем. И мне надо было найти пропавшую жену.

– Я не солдат, – признался я и задрал рукав камзола на руке с татуировкой.

Данила взглянула на кролика, посмотрела мне в лицо, прищурилась, а потом ее глаза округлились.

– Ты – тот контрабандист, – прошептала она. – Йовис.

– Я бы предпочел, чтобы меня называли самым удачливым контрабандистом за последние сто лет, но, если вам угодно, пусть будет просто «тот контрабандист».

– Зависит от того, что называть удачей, – хмыкнула Данила. – Что-то мне подсказывает, твоя мать так бы это не назвала.

– Возможно, вы правы, – легко согласился я.

Данила бы расстроилась, если бы узнала, до чего я докапывался, но теперь она расслабилась, лицо ее уже не было таким суровым. Мы стояли, прикасаясь друг к другу плечами. Я был уверен, что она меня не выдаст. Такие, как она, не выдают.

– Мне надо поговорить о вашей приемной дочери. Как она исчезла?

– Не о чем особо рассказывать. Вот она здесь, а на следующий день ее уже нет. Только девятнадцать серебряных монет на покрывале. По одному серебряному фениксу за каждый год ее жизни. Это было два дня назад. Мне все еще кажется, что вот сейчас я оглянусь – и она войдет в дверь.

Но она не войдет. Я знал, что не войдет, потому что сам ждал этого целый год. Я все еще видел кровать Эмалы с разбросанными по покрывалу девятнадцатью серебряными монетами. Мог почувствовать, как у меня заколотилось сердце и свело живот, когда я понял, что она ушла, и одновременно не мог в это поверить.

– Соши была смышленной и расторопной. – Голос у Данилы дрогнул, она смахнула слезы, не дав им потечь по щекам. – Ее мать погибла во время происшествия на шахте, своего отца она не знала. Я никогда не была замужем и детей

не имела, вот я ее и взяла. Мне требовалась помощница.

– Она... – Слова застряли в горле, и я так и не смог задать вопрос.

Данила взяла очередной кружок теста и посмотрела мне в глаза:

– Может, я не так стара, чтобы быть твоей тетушкой, но для меня ты еще мальчишка. Если Империя имеет отношение к исчезновению Соши, девочка уже мертва.

Я никогда не был влюблен. Мы не встретились в детстве и не подружились. Я не рискнул и не поцеловал ее. Я не возвращался с Императорского острова.

Я упорно обманывал себя. Но все без толку. Я видел, как она улыбается, насмешливо смотрит на меня и закатывает глаза, пока я рассказываю ей очередную выдуманную мной глупую историю. Как она после трудного дня кладет голову мне на плечо и вздыхает. Но мне надо было верить в собственный обман, потому что при одной только мысли, что всю оставшуюся жизнь я проживу без Эмалы, меня охватывала паника и я начинал задыхаться.

– Вы искали ее? – тяжело сглотнув, спросил я. – Нашли хоть какой-то след?

– Конечно, я ее искала. Спрашивала всех в округе. Один рыбак сказал, что видел в тот день, рано утром, лодку. Но она уплывала не от пристаней, а из ближайшей бухты. Маленькая лодка, темная, с синими парусами. Ушла на восток. Это все, что я знаю.

Такую лодку я видел в то утро, когда исчезла Эмала. Лодка огибала остров, но густой туман не позволял мне быть уверенным, что я вообще ее видел. Это был самый лучший след за все семь лет поисков, теперь главное было за него ухватиться и не отпускать.

Какой-то солдат в трактире расхохотался, а второй застоялся и, судя по звуку, с размаху бросил карты на стол. Заскрежетали ножки стульев по полу.

– Хорошая была игра.

Кто-то из них открыл дверь, и я почувствовал тепло от солнечного луча у себя на шее.

– Эй, идешь с нами? Капитан башку тебе откусит, если опоздаешь.

Никто не ответил, и тут я вспомнил, что на мне мундир солдата. Вопрос был обращен ко мне.

Данила взяла меня за руку, за запястье, на котором была татуировка. Ее хватка и ее голос, как корни дерева, держали крепко и проникали глубоко.

– Йовис, я сделала тебе одолжение, теперь ты должен сделать одолжение мне.

О нет.

– О чем вы? Какие такие одолжения?

Судя по звуку шагов, кто-то приближался к нам со спины.

– У меня есть племянник, – тихо сказала Данила. – Он живет на небольшом островке к востоку от нас. Если я все правильно понимаю, ты все равно поплывешь в том направ-

лении. Забери его до начала ритуала и верни родителям. Он всего лишь ребенок.

– Я не принадлежу к Безосколочным и не похищаю детей, – прошипел я. – Это аморально. И не прибыльно.

Я попытался вырвать руку, но не смог: хватка у Данилы была будь здоров.

– Сделай это.

Судя по шагам за спиной, солдат был один. Я мог бы с ним справиться, мог бы выбраться из этой передраги. Но даже после стольких лет я все еще помнил, как капли крови стекали по шее у меня из-под уха. Помнил холодное прикосновение резца к коже. Порез горел как огонь.

Император говорит, что Праздник десятины – лишь малая цена за нашу общую безопасность. Когда тебя пинком ставят на колени, а потом твою голову грубо наклоняют к земле, эта цена не кажется такой уж маленькой.

Я ожесточился, стал равнодушен к страданиям других. Еще одна ложь, за которую я цеплялся, потому что не мог никого спасти. Я не смог спасти даже собственного брата. Нельзя было об этом думать. Когда я думал о страданиях людей, о тех, кого не смог спасти, мне казалось, что я тону в Бескрайнем море. Эти мысли были как камень на шее, я не мог выдержать этот груз и отказывался об этом думать.

В большинстве случаев это срабатывало. Но не сегодня. Сегодня я вспомнил о матери. Вспомнил, как она сжала в ладонях мое лицо и спросила: «Так в чем же правда, Йовис?»

Правда была в том, что меня кто-то спас. Спас один человек. И этого было достаточно – худо-бедно, более-менее.

– Хорошо, я его заберу, – пообещал я.

Пообещал как последний дурак.

Данила выпустила мою руку и сказала, обращаясь к солдату у нас за спиной:

– Он мне задолжал за кувшин вина, скоро освободится.

Шаги удалились в сторону двери и стихли.

– Племянника зовут Алон. Он в красной рубашке с белыми цветочками на подоле. Его мать – башмачница на Фаларе, единственная на всем острове.

Я отряхнул ладони от муки.

– Понятно: красная рубашка, цветочки, башмачница.

– Лучше поторопись.

Сказал бы я Даниле пару ласковых, если бы не понимал, как ей больно. Она потеряла дочь. Я потерял жену. Следовало быть добрее.

– Если выясню, что произошло с вашей приемной дочерью, найду способ дать вам знать.

Данила кивнула, во второй раз смахнула набежавшие на глаза слезы и снова принялась лепить дамплинги. Она лепила их яростно, как воин сражается на поле боя; казалось, в тот момент для нее не было ничего важнее этого занятия.

Я повернулся, чтобы уйти, и в этот момент земля дрогнула у меня под ногами. Задребезжали кружки в посудном шкафу, скалка скатилась по столу и упала на пол, закачались

подвешенные под потолком рыбины. Я расставил руки в стороны, просто не знал, за что хвататься, – все вокруг двигалось. А потом в одну секунду остановилось.

– Всего лишь один толчок, – сказала Данила.

Это было очевидно, но, насколько я понял, она сказала это не мне, а для собственного успокоения.

– Некоторые думают, что толчки происходят из-за шахт умных камней, – продолжила Данила. – Слишком уж они глубокие. Не о чем волноваться. Толчки повторяются уже несколько месяцев – и ничего.

Данила обманывает себя? Толчки случаются, но на моей памяти последний был очень даже давно. Я сделал шаг, легкий, просто чтобы проверить. Земля твердая – все нормально.

– Пора, ветер мне в паруса, – сказал я.

– И ясного неба, – отозвалась Данила.

Тайно вывести ребенка с Праздника десятины – задача не из легких. Все дети, достигшие восьми лет, вносятся в списки, и мне надо было вычеркнуть из этих списков имя племянника Данилы. Но мне уже приходилось иметь дело с переписчиками, с солдатами императора и даже с его конструкциями.

Я расправил полы камзола и пошел на выход. Следовало, конечно, сначала выглянуть в окно или хотя бы приоткрыть дверь и глянуть в щелку. Но толчок встряхнул и мои нервы. Мне казалось – еще чуть-чуть, и я найду лодку, которая за-

брала Эмалу. Казалось, ответ уже рядом. Поэтому я вышел из трактира на залитую солнечным светом улицу, прямо как новорожденный ягненок с широко распахнутыми глазами.

И оказался в окружении солдат императора.

3

Йовис

Остров Голова Оленя

Эх, если бы по улице ходили туда-сюда люди, толкались, здоровались или еще что! Но нет, улица была безлюдной и тихой. Десять человек в униформе, мужчины и женщины, сразу переключили на меня свое внимание. Меня аж в пот бросило.

– Солдат... – обратилась ко мне женщина, судя по нашивкам на воротнике состоявшая в звании капитана. – Ты не из моих людей. Кто твой капитан?

Вранье может прокатить, если у тебя есть хоть что-то, что под него подстелить.

– Высадился на остров с первой ротой, – соврал я.

Капитан впилась в меня взглядом и нахмурилась.

– С капитаном Линдара? – спросил кто-то из ее команды.

– Ну да, – ответил я таким тоном, как будто удивился такому глупому вопросу.

Но капитан все не сводила с меня глаз. Мне даже захотелось уткнуться подбородком в воротник.

– Ты должен быть со своим капитаном. Мы здесь не на увеселительной прогулке.

– Понимаю. Такого больше не повторится.

– Кстати, ты не видел тут поблизости одного солдата? Он невысокий, коренастый, с большим носом, и от него несет звездчатым анисом.

Я его видел, но мы не познакомились, а вот с его униформой я реально сблизился и теперь очень надеялся, что запах рыбы и водорослей перебьет исходящий от нее густой аромат аниса.

– Нет, такого не встречал. Сожалею. И вы правы, мне следует быть со своим капитаном.

Я повернулся, чтобы уйти.

– Я тебя не отпускала. – Капитан положила руку мне на плечо.

Да, солдат бы из меня вышел никудышный.

Я крутанулся на каблуках и в выдержанном, уважительном тоне сказал:

– Да, капитан.

– Я тебя где-то уже видела. – Она крепче сжала мое плечо и прищурилась.

– Вероятно, когда я копал ямы под сортиры. Линдара меня недолюбливает.

Солдаты заулыбались, но лицо их капитана оставалось

невозмутимым. Я быстро прокрутил в голове все возможные варианты. Стану заигрывать – не сносить головы. Шуточки в собственный адрес она не оценит. Может, подольститься?

– Нет, – сказала капитан. – Но твое лицо кажется мне знакомым.

Будь проклята эта Империя, будь проклята их мелочность – подняли шум из-за какой-то кучки умных камней. Будь проклята их магия и власть над людьми.

– Мое лицо? – переспросил я, чтобы выиграть немного времени. – Ну, это...

Земля снова задрожала, но в этот раз сильнее. Все посмотрели на дома и расставили руки, как будто надеялись, что смогут удержать падающие стены. С крыши дома у меня за спиной упал и разбился о мостовую кусок черепицы. Все стихло.

– Еще толчок, – сказал кто-то из солдат. – Второй за день.

Солдат явно встревожился. Мне, скажу честно, все это тоже не нравилось. Иногда после основного толчка случаются мелкие повторные, но этот был сильнее первого.

Капитан снова переключила внимание на меня.

Я откашлялся и расправил плечи:

– Капитан, думаю, нам следует быть на площади. Праздник вот-вот начнется.

Наконец-то мне удалось выбрать правильную интонацию. Уважение и дисциплина. Капитан убрала руку с моего плеча.

– Найдем нашего солдата позже. Сейчас нас ждет долг.

Махнув своим людям, она зашагала по улице.

Я заметил, как парочка солдат непроизвольно потянулись к шраму у себя за правым ухом. Интересно, они помнили тот свой день так же четко, как я, или уже успели подзабыть? Я пошел следом. У меня ведь тоже было дело на Празднике. Да, я – обманщик, но я держу слово.

Булыжники мостовой после толчков шатались под ногами. Улица вывела на вершину холма и там пересеклась еще с двумя.

Шагавший впереди солдат развернулся, чтобы оценить обстановку с высоты холма, но вдруг вытаращил глаза и заметно побледнел.

– Капитан! – крикнул он.

Я, естественно, тоже оглянулся.

Здания вдоль узкой, заполненной клубами пыли улицы напоминали неровные зубы, которые готовы вот-вот сомкнуться. Но не они привлекли внимание солдата. Что-то изменилось внизу, на берегу океана. Очертания бухты стали шире, плавучие пристани стояли под странным углом друг к другу, а из воды у берега торчали какие-то темные силуэты.

Верхушки кустов. Бухта уходила под воду.

Капитан оценила эту картину и поджала губы:

– Мы идем на площадь. Расскажем двум другим ротам. Сохраняем спокойствие, обеспечиваем порядок. Что бы это ни означало, держимся вместе.

Солдаты беспрекословно последовали за своим капита-

ном. Определенно, она пользовалась у них авторитетом.

Я смотрел на плавучие пристани. Держать слово, понятное дело, надо, но я также пообещал Эмале, что найду ее. Если погибну, это у меня навряд ли получится. Я представил, как Данила лепит дамплинги для своего племянника, чтобы устроить для него пир после праздника.

После моего праздника мама, которая обычно была скрытной и немногословной, прижала меня к себе, поцеловала во взмокшую от пота макушку и сказала:

– Как бы я хотела тебя уберечь.

Она тогда не знала, что меня уже спасли. Я и сам не до конца это понимал.

До площади было уже недалеко, а я умел очень даже неплохо бегать.

В общем, страшно было, но я все равно пошел за солдатами.

В воздухе повисла тишина – ни голосов, ни пения птиц, только звук наших шагов по брусчатке. После еще одного поворота и небольшого подъема тишину потеснил ропот людских голосов. Улица вывела нас на площадь.

Остров Голова Оленя не самый крупный из всех известных, но самый богатый. Я не раз слышал, как местные хвастались своими пряными рыбными супами, своими большими рынками, а один даже как-то заявил, что их остров держится над водой выше, чем все остальные. Их шахты по добыче умных камней неплохо подпитывали Империю, и пло-

щадь, на которую мы вышли, свидетельствовала о благосостоянии острова – камни под ногами были гладкими и все аккуратно подогнаны друг к другу. В центре площади – приподнятый над мостовой пруд, а уже в его центре беседка с навешенными к ней мостиками. Судя по украшавшей беседку резьбе в виде вьющейся лозы, она была одним из редких сохранившихся строений Аланги.

Я бы с радостью посетил это место вместе с моей Эмалой. Она бы хитро посмотрела на меня и спросила: «И почему Аланга построила это?» А я бы принялся рассказывать, что эта великолепная беседка служила всего лишь сортиром. Эмала бы рассмеялась и сказала: «Ну конечно, кто откажется от удовольствия облегчиться в такой беседке?»

Но Эмалы рядом не было.

Я остановился в конце улицы и подождал, пока солдаты не уйдут в противоположный конец площади.

Там в окружении императорских солдат стояли дети. Несколько десятков. Как овечки, которых пригнали на бойню. Некоторые были спокойны, но большинство заметно нервничали, а некоторые вообще плакали и не пытались скрыть слезы. Им дали опиум, чтобы они были покорными и не так остро чувствовали боль. Я подошел ближе и оглядел детей.

Красная рубашка с вышитыми на подоле белыми цветочками. Слишком много детей в красном.

На моем месте должен был быть кто-нибудь из безоско-

лочных. Они – романтики, бредят идеями о свободе и о том, чтобы Империей управляли люди. Но я не был идеалистом. Я не мог себе этого позволить.

Земля заходила ходуном. С черепичных крыш посыпалась пыль, я еле устоял на ногах. Меня охватила паника. Повторный толчок... ну да, конечно. Три толчка в один день, и бухта уходит под воду – такое нормальным не назовешь.

В противоположной стороне площади солдаты сели на корточки вокруг своих подопечных и схватились за оружие, как будто оно могло им помочь. Председательствовавший на Празднике переписчик сгорбился над своей книгой. Дети, вытаращив глаза, смотрели на раскачивающиеся вокруг площади дома.

Уцепившись за бортик фонтана, я постарался сохранить равновесие и начал считать.

Один, два, три, четыре...

На счет «пять» у меня сдавило горло, на «десять» я понял, что толчки не прекратятся. Происходило нечто ужасное. Я всем нутром это чувствовал. И как только я это почувствовал, ко мне вернулась способность двигаться. Если миру приходит конец, стоять и ждать бессмысленно и бесполезно, особенно для меня.

Один мальчик, видимо, почувствовал то же самое. Он встал с корточек и побежал. Императорский солдат ухватил его за шиворот рубашки.

За шиворот красной рубашки с вышитыми на подоле бе-

лыми цветочками. Алон, племянник Данилы. Невысокий для своих восьми лет с копной черных волос, которая, казалось, была больше его самого.

Долг удерживал солдат вместе, как рыболовная леса. Один направленный удар – и она лопнет. Я, спотыкаясь, побежал в их сторону и заорал:

– Остров тонет! Я такое уже видел! – Притворяться, будто паникую, не пришлось, все получилось очень даже естественно. – Уходите на корабли и отплывайте, пока остров не утащил нас за собой!

Не знаю, как на солдат подействовали мои вопли. На проверку у меня не было ни желания, ни времени.

– Эй, ты! – крикнула капитан. – Живо вернись в строй!

Дом на противоположной стороне площади с грохотом обвалился, и вместе с ним лопнула соединяющая солдат леса. Они побежали. Дети и солдаты наталкивались на меня и грозили сбить с ног. В этой толчее я умудрился схватить Алону за руку. Она была такой маленькой.

– Меня послала твоя тетя Данила! – стараясь перекричать воцарившийся вокруг грохот, сообщил я.

Не уверен, что Алон меня услышал, но он не попытался от меня вырваться, а это было уже что-то.

– Надо бежать! Ты как? Сможешь?

Он кивнул.

Боковым зрением я видел лица других детей, они паниковали, но при этом были покорными и бежали неуверенно.

Их родители, их тети и дяди должны были за ними прийти. Все – обман. Я слышал голос своей матери. Постарался его заглушить. Невозможно помочь им всем.

– Дыши глубже, – скомандовал я и побежал, не выпуская руки Алона.

Пацанчик был мелкий, но он за мной поспевал. Мы обогнули пруд и рванули в сторону пристаней.

Стук сердца отдавался в ушах. Узкая улица стала похожей на пропасть. Дом слева от нас накренился и начал обваливаться. Солдаты у нас за спиной заорали, я рывком дернул Алона за руку и чудом уберег от падающих на мостовую камней. Пыль забивала нос. Я старался не думать о солдатах, которые оказались под рухнувшим фасадом дома, и о людях, которые могли быть внутри. У меня была одна цель – остаться в живых и уберечь Алона.

Мальчишка начал плакать.

Он тянул меня за руку и пронзительно так пищал:

– Мама! Я хочу к маме!

О, малыш.

Я тоже хотел к маме. Она сидела у окна и не обращала внимания на то, как завывающий ветер колотил ставнями о стены дома, как будто это были просто капризные дети. Я дал себе слово, что, если выберусь из этой передраги, обязательно наведаюсь домой.

– Слушай меня! – крикнул я. – Ты должен бежать. Беги быстро, или никогда ее не увидишь.

Это подействовало, как оплеуха. Сопли размазывать было некогда, а я был не такой уж крупный и сильный, чтобы нести на себе этого мальчишку.

Мне показалось, что я увидел дверь в трактир Данилы. Но она уже могла оттуда убежать.

Землю потрянуло, меня отбросило к стене какого-то дома, я врезался в нее плечом и с трудом сумел удержать Алону на ногах. От пыли в воздухе слезились глаза, но я сумел разглядеть в узком промежутке между домами голубой океан и голубое небо. Мы заскользили по мостовой. Кусок черепицы ударил Алону по плечу, он потянулся к ране, но я безжалостно волок его за собой.

А потом пыль в воздухе рассеялась и мы оказались у пристаней. Несмотря на все эти толчки и разрушения, горожане еще не сбежались в гавань. Сомневались, стоя на краю пропасти? Почувствую ли я себя дураком, когда все это закончится? Что я теряю на этом острове?

Страх кусал меня за пятки. Теперь я понимаю, что не успел оценить ситуацию. Одна мысль о том, что я останусь на этом острове, повергала меня в ужас. При всем желании я не мог бы найти определение этому состоянию.

Может, все прекратится и остров уйдет под воду всего на несколько уровней? А может, и не прекратится. Этот второй вариант свербел у меня в голове.

Какие-то люди пытались забраться на императорские лодки, но их отгоняли солдаты. Другие бежали к своим рыба-

чьим лодкам. Их как могла отгоняла горбатая конструкция с длинным птичьим клювом.

– Прошу, предъявите облагаемые пошлиной товары! – каркала она. – Перевозка и торговля запрещенными товарами приведет к штрафу и арестам. Господин, я вынужден провести выборочный обыск вашего трюма.

Конструкция Чиновник, на мой вкус, самая отвратительная.

Я подождал, пока она не переключит свое внимание на кого-то конкретного, и обратился к мальчишке:

– Алон, вон там, в конце пристани, моя лодка. – (У нас за спиной скрипели доски и камни.) – Пристань снята с якоря. Придется плыть. Я сейчас отпущу твою руку, но ты должен плыть за мной. И не отставай. Если ботинки потянут ко дну, сбрось их.

Я не стал ждать ответа и даже не посмотрел, кивнул ли Алон, а просто побежал к воде, пока конструкция не обернулась в нашу сторону. Без поддержки императорских солдат она мало что могла сделать, но в тот момент ее внимание мне было совсем ни к чему. Вода от подземных толчков покрылась рябью, и мое отражение тоже. Я увидел, что мои ладони все серые от пыли и расцарапаны до крови. Плевать, времени не было – я прыгнул в воду. В конце сезона засухи она была такой же теплой, как воздух. Я последовал собственному совету и сбросил ботинки.

Якоря еще кое-как удерживали пристани, и они пока толь-

ко покачивались на воде, но никуда не уплывали. Я плыл, и каждый гребок словно возвращал меня назад. Я как будто был ребенком, который плывет в океане, а у меня за спиной разрушался целый остров.

Доплыв до пристани, я, цепляясь за доски и получив под ногти пару-другую щепок, все-таки на них забрался. Алон оказался молодцом, не отстал, видно скинул ботинки. Я ухватил его за руку и втащил на пристань. Моя лодочка тихо-спокойно покачивалась на воде. Большая лодка хороша тем, что вмещает приличное количество груза и на ней можно неделями жить в море. Зато маленькая быстрее, и на ней потребуются меньше умных камней, если я вообще захочу ими воспользоваться.

Теперь, вдали от клубящейся пыли и рушащихся домов, у меня в голове заметно прояснилось.

– Это моя лодка, – сказал я мальчишке, и в этот раз можно было не кричать. – Мы поплывем к твоим родителям.

Алон слушался меня, как маленький потерявшийся ягненок.

Как только я оказался на борту, включились выработанные за годы тренировок инстинкты: отдать швартов, оттолкнуться от пристани, поднять парус. Исходящий от острова грохот не проникал в мой мозг, просто приглушенно звучал где-то на задворках сознания. Отец начал учить меня ходить под парусом, едва я сделал первые шаги в своей жизни. Здесь, на палубе, я стоял гораздо увереннее, чем на острове,

который сотрясался от подземных толчков.

Алон перебрался на нос и сел на лавку. Он дрожал и как будто потерял дар речи.

Раздался жуткий грохот, у меня едва не заложило уши. Я оглянулся – остров шел ко дну. Гавань уже почти исчезла, дома по ее периметру сползали к воде. Надеяться на то, что катаклизм закончится и жизнь более-менее, худо-бедно наладится, мог только последний дурак. Надо было действовать и быстрее убираться куда подальше.

Умный камень. Я перебрался к люку в трюм, спустился и уже под ним поднял пару досок. Там лежали ящики с умными камнями. Любой, кто знал мою лодку, мог заметить, что осадка у нее ниже, чем обычно, только вот трудно было найти того, кто знал мою лодку лучше меня. Я схватил пригоршню белых камней, выбрался на палубу и бросил их на жаровню.

Я бы давно уже уплыл, если бы не этот мальчишка. Меня бы здесь давно уже не было, если бы я не стал расспрашивать о лодке, которая увезла мою Эмалу. Но все эти «если бы да кабы» еще никогда никого не спасали. Я немного повозился с кремнем и чиркнул им о край жаровни. Искры посыпались на умный камень, он вспыхнул легко, как мелко нарезанная солома.

От жаровни поднялся белый дым, а вместе с ним сильный порыв ветра наполнил парус. Моя лодка рванулась к выходу из бухты, которая уже стала в два раза шире, чем в мо-

мент моего прибытия. Пот ручьями струился по лицу. Солнце поднялось высоко и припекало затылок. Даже не верилось, что конец света может наступить в такой безоблачный день.

Я подул на горящий умный камень и закрепил грот. Мы были не единственные, кто стремился покинуть бухту, но шли в первых рядах. Когда мы вышли в океан, сердце уже не так колотилось у меня в груди, но пальцы все еще дрожали. Я глянул на Алону. Мальчишка так и сидел на носу, обхватив себя руками за плечи. Щеки у него даже после заплыва к лодке были в грязных разводах, глаза широко открыты – он смотрел на остров у нас за спиной. Я собрался с духом и оглянулся.

От масштаба разрушений перехватило дыхание. Половина домов на острове превратилась в груды камней. К небу поднимались серые клубы дыма, такие густые, что за ними не было видно деревьев. И надо всем этим кружили стаи птиц.

– Тетя Данила... – сказал Алон.

Иногда одного достаточно. Одного должно быть достаточно.

Я тяжело сглотнул:

– Она могла выбраться, приятель, не стоит пока отчаиваться.

От острова плыли силуэты самых разных размеров и очертаний: козлы, олени, коты, собаки, даже кролики и мыши – все покидали остров. Из-под воды появилась и почти сра-

зу исчезла спина какой-то гигантской твари, я успел увидеть только ее плавники и сверкающую чешую. Даже обитавшие под островом чудища стремились уплыть подальше. Ужас пронзил меня от горла по всему позвоночнику.

Остров тряхнуло еще сильнее, город буквально на глазах осыпался на землю. Он уходил под воду, как человек плавно соскальзывает в ванну. Мой мозг фиксировал происходящее, и, хотя в душе я еще не мог во все это поверить, до меня дошло, что, когда остров уйдет под воду, на его месте образуется гигантская воронка.

Надо было убираться подальше, пока нас в нее не затянуло.

– Проклятая Аланга, – пробормотал я себе под нос.

Мы плыли быстро, но недостаточно быстро, еще даже не вышли из бухты.

Я подкинул умных камней на жаровню и стряхнул белую пыль с камзола. Лодка живо прыгала по волнам, но теряла скорость. Течения и водовороты затягивали другие лодки, и попутный ветер никак не мог им помочь. На одной из лодок кто-то начал вопить как оглашенный.

Умные камни. Их груз замедлял наш ход. Надо было от них избавиться.

Смерть заглядывала в глаза, но мой разум упрямо перебирал все возможные варианты спасения.

Я взял себя в руки.

Нет, я никогда не стану таким, как люди у пристаней, ко-

торые продолжали надеяться, что толчки закончатся и они смогут вернуться домой. Если эти люди вообще еще не утонули.

– Алон, мне нужна твоя помощь. Поможешь? – попросил я и показал на люк в палубе.

Мальчишка вышел из ступора. Люди всегда лучше ведут себя в критической ситуации, когда перед ними ставишь конкретную задачу. Алон придерживал люк, пока я вытаскивал ящики с умными камнями на палубу. Это было реальное богатство, пусть незаконно добытое, но мое. Этого богатства хватило бы на то, чтобы рассчитаться по долгам с Иоф Карн.

Я бросил пригоршню камней на жаровню, а потом один за другим, пока не передумал, спихнул все ящики в воду.

Хватило бы, да не вполне. Тонет остров или нет, Иоф Карн разыщет меня и потребует вернуть долг. Но пока что я был жив, мое сердце колотилось в груди, а лодка быстро скользила по воде.

Алон снова, как раненая зверушка, перебрался на нос лодки.

Я бы на него надавил, но не хотелось терять с ним контакт. Мальчишка сжался в комок и начал поскуливать. Очевидно, опиум немного попустил.

– Твоя тетя могла спастись, – сказал я.

Да, понятное дело – это пустые слова. Пацанчику восемь лет, но он не дурак. Он жил на маленьком острове, но наверняка часто навещал свою тетушку и этот остров был для

него вторым домом. Остров ушел под воду, а с ним и тетушка Данила.

– Они все умерли. – Алон посмотрел на меня из-под локтя. – Люди все умерли, остров умер, все звери... – Мальчишка перестал тыкаться носом в локоть, у него раскраснелись щеки, он посмотрел на животных, которые плыли рядом с нашей лодкой. – И они тоже утонут.

Остров позади нас потрянуло еще раз, и этот звук разрушил окружающую меня стену ужаса. В чем причина? Кто все это устроил? В старых преданиях, даже в тех, об Аланге, никогда не упоминалось о тонущих в океане островах. О подземных толчках – да, но ни о чем таком, как это. Никогда об острове, который разрушился и ушел под воду.

Надо было взять себя в руки. Если бы я сдался, это не помогло бы ни мне, ни мальчишке.

Я перегнулся через борт и увидел коричневого котенка, который упрямо греб лапками и продолжал держаться на воде. Плыть ему было некуда, но он все равно плыл. Он скребся когтями о борт моей лодки. Мне было знакомо это чувство. Я посмотрел в его карие глаза и почувствовал его отчаяние.

А потом, просто повинаясь порыву, взял сеть и вытащил этого малыша из воды на палубу.

Мокрый насквозь котенок не двигался, только дрожал.

– Посмотри, – сказал я Алону, – этот малыш умрет, если ты о нем не позаботишься. Глянь под лавку, там одеяла и немного сухой рыбы. Высуши малыша и попробуй его на-

кормить.

Алон вытер рукавом слезы и перебрался с носа лодки к котенку. Он взял его на руки и, хоть еще хлюпал носом, ску-лить перестал.

Еще одна спасенная жизнь. Всего ничего по сравнению с реальными потерями. Но этот котенок был с нами на лодке, и для него точно было важно, что он все еще жив.

4

Лин

Императорский остров

Я посмотрела на Баяна и прямо почувствовала, как мое лицо выдает, что он застал меня врасплох. Баян уже успел отмыть руки и снял фартук, от пятен крови не осталось и следа. Я собралась и постаралась сделать так, чтобы Баян ничего не сумел прочесть по моему лицу. Он открыл рот, но я его опередила.

Потянулась к дверной ручке и легко и непринужденно ответила вопросом на вопрос:

– А так не видно? Ясное дело – хочу войти.

Бинг Тай зарычал, и его рык эхом разлетелся по коридору.

Мы с Баяном отскочили от двери. Я встретилась с ним взглядом. Секунду мы оценивали друг друга. Карие глаза Баяна округлились, он приоткрыл рот и вытянул вперед руки, как будто приготовился отразить атаку.

Не знаю, кто из нас рассмеялся первым, но мы расхохо-

тались через секунду после того, как встретились взглядом. Дверь-то была заперта, а значит, мы были в безопасности.

Меня накрыла волна облегчения и какого-то запретного веселья. Мы с Баяном никогда раньше вот так вместе не смеялись. Бывало, я смеялась над ним, а он надо мной, но это было частью соперничества. У него было семь ключей, у меня – шесть, и, хоть я и была законнорожденной наследницей, а Баян – нет, он мог претендовать на корону. Нельзя дружить с тем, с кем соперничаешь за один и тот же приз.

Лицо Баяна стало серьезным, как будто у нас мысли совпали.

– И кстати, а ты сам что делаешь у двери в комнату моего отца? – спросила я. – У меня больше поводов здесь быть, чем у тебя.

– И что? – Баян потянулся рукой к связке ключей у себя на шее. – У меня есть доступ к помещениям во дворце, к которым нет доступа у тебя. Я шел в библиотеку. В секретную библиотеку.

– Секретную? – переспросила я. – Какая же она секретная, если ты о ней говоришь?

Баян прикоснулся пальцем к подбородку. Он должен был знать, что этот жест подчеркивает безупречную линию его подбородка.

– И как мне теперь ее назвать? Магическая библиотека? Библиотека конструкций? Библиотека, запретная для Лин, потому что Лин потеряла память?

У меня внутри все закипело, как вода в котелке, куда пора закинуть крабов. Я выдохнула жар и удержала на лице холодную маску.

– Если ищешь подходящее определение, могу подсказать. Как тебе: библиотека, которой пользуется напыщенный мальчишка без положения?

Баян цокнул языком:

– Ай-ай-ай! Дочь императора, и такие дурные манеры. Я – его приемный сын, а это очень даже высокое положение. Император хочет, чтобы я доработал команду для моей конструкции Олень. Я вот закончил вечернюю медитацию и теперь намерен заняться исследованиями.

Небрежный тон Баяна только подпитал мою зависть. Я бы многое отдала ради того, чтобы оказаться в этой библиотеке, прикоснуться к книгам, вдохнуть запах их страниц, впитать заключенные в них знания. Это было мое право по рождению. Мое, а не Баяна.

– Ты много о себе возомнил. Знанием может обладать только тот, кто погружается в его глубины и способен увидеть его очертания. Кто читает...

– ...без понимания, гуляет по мелководью и не думает о притаившихся на глубине монстрах, – закончил за меня Баян. – Я знаком с поговорками Нингсу.

Как же я его в тот момент ненавидела! Ненавидела себя за потерянную память, ненавидела замки и ключи, без которых не могла их открыть.

Что может быть хуже? Отец удаляет меня и повышает Баяна до моего положения либо оставляет меня во дворце, чтобы я ему прислуживала?

Баян, может, и не умел читать по лицам, но смягчился.

– Ты подолгу бродишь по дворцу и забавляешься с конструкциями.

– Я не забавляюсь, а изучаю, – сказала я и сама услышала раздражение в своем голосе.

Баян поднял руки, как будто сдавался:

– Чем бы ты ни занималась, я видел, как ты это делаешь. Император видел. Я вернул большую часть воспоминаний, но не потому, что разговаривал с конструкциями, а потому, что медитировал и проводил много времени наедине с собой. Может, если бы ты выбрала этот путь... Если бы ты выходила во внутренний двор или к пруду либо просто подольше медитировала у себя в комнате, тогда и ты смогла бы вернуть свои воспоминания.

– И всего-то?

Хотелось бы, чтобы все было так просто.

Лицо Баяна – уверенный взгляд, приподнятые черные брови, губы сомкнуты, но не стиснуты. Я поняла, что он не испытывает ко мне ненависти, хотя мог бы и даже должен был меня ненавидеть.

Когда у меня будет больше ключей – после того, как я их украду, – мне не составит труда его подставить, если отец меня поймает. Из Баяна выйдет плохой император, он слыш-

ком похож на отца – тоже увлечен тайнами и любит экспериментировать с магией.

Конструкции высшего уровня – Чиновник, Торговец, Воин и Лазутчик – помогали отцу править, но он все больше полагался на них, а сам продолжал заниматься своими мистическими проектами.

– Да, может, стоит попробовать, – сказала я.

Баян улыбнулся. Я нахмурилась, потому что ждала подвоха или еще чего похуже.

– Баян! Лин!

Голос отца эхом прокатился по коридору. Он кашлянул в рукав и, прихрамывая, пошел в нашу сторону.

У меня в груди словно огонь разгорелся, и жар поднялся к самой шее. Какая же я идиотка! Стояла и обменивалась колкостями с Баяном, а отец тем временем покончил со своей вечерней рутинной. Надо было убраться подальше, пока Баян меня не застучал.

Баян расставил ловушку?

Судя по его лицу, он был удивлен не меньше меня.

Посох отца с набалдашником в форме головы феникса стучал по полу, тапки шаркали еле слышно.

В одном из моих ранних воспоминаний я болела и, проснувшись, увидела ступни отца: они были все в окровавленных бинтах.

– Это был несчастный случай, – прохрипел он тогда, причем таким тоном, который исключал дальнейшие вопросы.

– Что вы делаете перед моей комнатой? – спросил отец, когда наконец добрал до нас.

Щепка, которую я использовала, чтобы не дать двери закрыться, оттягивала карман. У меня горели кончики ушей. Я приказала им стать холодными – холодными, как снег на горных вершинах. Старалась не смотреть отцу в глаза и ждала, что первым ответит Баян. Если бы я посмотрела отцу в глаза, он бы все прочитал по моему лицу и сразу бы понял, что я натворила.

Баян не отвечал. Молчание затягивалось. Оно все тянулось и тянулось...

Я собралась с духом:

– Баян сказал, что откроет мне секрет библиотеки.

На большее у меня фантазии не хватило.

Отец с Баяном одновременно набрали в грудь воздуха, чтобы заговорить, но тут кто-то тихонько постучал в окно в конце коридора. На подоконнике появилась рука, потом вторая, за ними третья и четвертая. Илит, главная из конструкций Лазутчик, забиралась в окно.

Я не знала, на каком именно из плавучих островов отец нашел чудовище, которое послужило образцом для создания Лазутчиков, но точно не хотела бы туда наведаться. Конструкция была очень похожа на паука, коричневого и блестящего; когда она становилась в стойку, то высотой была мне по грудь. Ее паучьи лапы заканчивались человеческими кистями, а брюхо украшало старушечье лицо. Я хотела отвер-

нуться, но в который раз поймала себя на том, что не могу оторвать от Илит глаз и, хотя мурашки бегают по спине, слежу за каждым ее движением. Была в этом чудовище какая-то непостижимая для человека красота.

– Владыка... – глухим голосом, словно через несколько слоев паутины, обратилась к отцу Илит. В одной из передних лап она держала пергаментный свиток. – Я получила сообщение с быстрейшего корабля. Случилось бедствие.

Отец переключил внимание с меня и Баяна на Илит и, опершись на посох, взял протянутый ею свиток.

– Бедствие? Безосколочное меньшинство напало на очередной остров? Обрушилась какая-то шахта?

– Нет, мой господин, – просипела Илит, – это остров Голова Оленя. Он затонул.

5

Фалу

Остров Нефилану

Ранами не просто повлияла на жизнь Фалу – она ее изменила, причем настолько, что Фалу отказывалась в это верить. В такие моменты, как этот, она не могла ни на чем сосредоточиться, ее отвлекали мысли о Ранами.

Взмокшие от пота волосы прилипли к шее, рука с мечом опустилась, но Фалу крепче сжала рукоять и стиснула зубы. Будь у нее выбор: нырнуть в Бескрайнее море или проиграть Титусу, она бы без раздумий выбрала первое. Они были одного возраста, одного роста и веса, но мастерство должно было обеспечить ей победу. Если бы она не отвлекалась. Титус сделал выпад и, если бы она не успела блокировать удар, рубанул бы ее по плечью лат.

Титус улыбнулся с видом близкого к победе воина:

– О, Фалу, ты сегодня сама не своя. Очередная любовная ссора?

Фалу скривилась – избитая шутка. Пару лет назад она часто приходила на их спарринги не в настроении, и Титус мягко упрекал ее за то, что она, как он любил выражаться, «заводила интрижки с половиной острова». И если бы Фалу была честна с собой, она бы признала, что это недалеко от правды. Она постоянно флиртовала с женщинами, причем как знатного, так и низкого происхождения. Но потом Фалу встретила Ранами, и обычное пылкое влечение переросло в чувство, которое дарило тепло и уверенность в этой жизни.

Но спустя какое-то время они, конечно, поругались.

Титус пробил ее оборону и ударил по ноге. Фалу отпрыгнула, но с опозданием и зашипела от боли – теперь точно синяк останется. Она сорвала с головы шлем и вдохнула сквозь зубы. Воздух после утреннего проливного дождя был таким влажным, что у Фалу появилось чувство, будто она тонет прямо на суше. Да, возможно, она еще не была готова к тому, чтобы нырнуть в Бескрайнее море.

Титус помрачнел и опустил меч.

– Тебя что-то беспокоит. Только не говори, что порвала с Ранами. Она – лучшее, что случилось в твоей жизни.

Фалу, стараясь размять ушибленную ногу, захромала по мощеному двору.

– Нет, мы все еще вместе. Просто я... я иногда не понимаю женщин.

Титус поперхнулся от смеха:

– О, это покруче, чем жаркое моей тетушки будет.

Фалу нахмурилась:

– Да, я не понимаю других женщин.

Хотя, возможно, она не понимала не каких-то других женщин, а Ранами. Та была похожа на пятнистую горлицу – вся такая мягкая, коричневая, тихая, изящная, с круглыми темными глазами, она вызывала только нежные чувства. Но под перьями этой горлицы были острые углы, Фалу натыкалась на них, когда запускала пальцы слишком уж глубоко.

Проходя по внутреннему двору, она покосилась на фонтан в углу. Фонтан был построен еще во времена Аланги, с тех пор мало чего уцелело. Нефилану был последним оплотом Аланги против предков императора.

– Она снова открывала глаза? – Фалу кивнула в сторону фонтана.

– Нет. – Титус переступил с ноги на ногу, ему явно было неловко. – Глаза были открыты пять дней, потом закрылись и с тех пор больше не открывались. Честно сказать, мне от них жутковато.

В центре фонтана стояла фигура с чашей в руках, и из этой чаши стекала вода. Когда несколько месяцев назад статуя открыла смотрящие в пустоту глаза, во дворце все на уши встали. Отец Фалу был готов отдать приказ, чтобы ее снесли, но тут глаза статуи снова закрылись. Ничего такого не произошло. Ни воя труб, ни барабанной дроби. И люди, владеющие древней магией, тоже не повыскакивали из всех щелей. Поползли слухи, будто Аланга возвращается и снова бу-

дет править островами и начнется все это как раз на Нефилану. Но за одним солнечным днем наступал другой, и все эти страхи постепенно померкли.

– Если они вернуться, то первым делом атакуют Императорский остров, – сказала Фалу.

– Упоминать об Аланге вслух – плохая примета, – нахмурился Титус.

– Только не говори, что ты суеверный.

Титус поджал губы и промолчал.

Фалу потрясла ногой и вздохнула. Ее мысли, как всегда, вернулись к Ранам.

– Я попросила ее выйти за меня.

Она даже сама не поняла, почему признается в этом Титусу. Разве потому, что он всегда слушал, когда у нее были проблемы.

Титус вложил меч в ножны.

– Что ж, уверен, ты сейчас говорила не о фигуре в фонтане. И что? – Он все понял по лицу Фалу. – Ясно. Она тебе отказала.

Фалу отбросила со лба мокрую от пота прядь волос.

– Я уже просила раньше. Это был не первый раз. Но она все твердит, что не хочет быть женой губернатора острова. И что мне с этим делать? Мне тоже не нравится политика отца. Если бы Ранам стала моей женой, она бы помогла мне все исправить, после того как я стану губернатором.

Титус только плечами пожал. Фалу могла позволить себе

такие речи, но он был дворцовым стражем и не собирался плохо отзываться об ее отце.

– Ранами не нравится, что он отправляет наши корабли с грузом орехов каро на Императорский остров. Ее бесит то, как обращаются с фермерами. Она считает, что это несправедливо. И что она в результате со мной делает? Я – дочь губернатора. Если она искренне не заинтересована в том, чтобы повысить свое положение, ей стоило бы закрутить роман с кем-нибудь равным себе. Разве не так? Я для нее – какое-то посмешище? Мимолетное увлечение? В наше первое свидание я отвела ее к пристаням, пустила по воде фонарики, а она захотела говорить о пошлинах, которые установил мой отец! Еще тогда можно было догадаться, что она мне откажет.

Фалу мерила внутренний двор шагами. Потом остановилась, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула.

– Фалу, – сказал Титус, – я женат уже пять лет, у меня двое детей. Я не сын губернатора. Я – не губернатор. И что главное, я – не Ранами. Думаю, тебе лучше поговорить об этом с ней, а не со мной.

– Не знаю, как с ней говорить, – призналась Фалу и возненавидела себя за поскуливающие нотки в голосе.

Она пыталась объяснить Ранами, что отец принуждает ее к браку, что она даст ей полную свободу, как только станет губернатором, и тогда та сможет заняться переменами на острове. Однажды Фалу даже закатила скандал и ушла, решив, что лучше будет завести роман с кем-то другим. Но де-

ло было в том, что скорее мир отвернется от солнца, чем она бросит Ранами. Поэтому Фалу вернулась на орбиту и попросила о прощении. Ранами даровала ей прощение – надолго прижала к себе и поцеловала в щеку.

Никто не смог бы отказать ей в великодушии.

Титус склонил голову набок и приподнял густые брови:

– А может, тебе стоит научиться слушать?

– Думаешь, я не умею?

– Умение слушать – искусство. – Титус развел руками. –

Иногда выслушать человека полезнее, чем задавать правильные вопросы.

– А какие вопросы правильные?

– Я всего лишь твой спарринг-партнер. Не забыла?

Дверь на балконе второго этажа распахнулась, во двор вырвались звуки музыки и гомон людских голосов.

– Так все и продолжается, да? – Фалу с нескрываемым отвращением посмотрела на дворец.

– Твой отец любит устраивать приемы, – нейтральным тоном сказал Титус. – Ему может понравиться, если ты к ним присоединишься.

Присоединиться? Смешно. Все равно как ворона бы решила свить гнездо среди певчих птиц. Родители Фалу расторгли брак, когда она была еще совсем юной, и, хотя мать отправила ее жить во дворец, она всегда чувствовала себя там чужой. Танцы и пьянка – это все было не для нее.

Фалу тряхнула головой:

– Ты – боец, но я тебе не уступаю, и ты об этом знаешь.

– Если хочешь понять Ранами, поговори с ней. – Титус положил руку на плечо Фалу. – Я не прорицатель. Ты молишься камню и надеешься найти внутри его ядро ореха.

Фалу вложила меч в ножны и снова перевязала волосы.

– Мы не разговаривали с прошлого вечера. Я злая тогда ушла.

– А она? Она была злая?

Фалу хлопнула ладонью по колонне из тика.

– Нет, просто грустная. А я, когда она такая, бывает, злюсь еще больше.

– Что ж, рано или поздно тебе придется с ней поговорить. Или можно вообще перестать с ней разговаривать.

Фалу закатила глаза:

– Я не ребенок, а ты всего на два года меня старше.

– Тогда – вперед, – Титус махнул рукой в перчатке, – стань взрослой. Говори как взрослая, разберись в своих отношениях, уладь ссору. Я бы предпочел закончить наш спарринг на высокой ноте победителя.

Фалу подняла палец и тряхнула головой:

– Это не по справедливости, закончим завтра утром.

– Договорились, – согласился Титус.

Фалу не стала тратить время на переодевание. Повседневной одежде и, прости господи, вышитым шелковым туникам, в которые так хотел облачить ее отец, она предпочитала воинские доспехи. И Ранами они нравились. Как-то после од-

ной бурной ночи она призналась, что именно в доспехах Фалу для нее самая настоящая. И Фалу было приятно это услышать.

Именно об этом она вспомнила, прежде чем начать прокручивать в голове их последнюю ссору.

И всегда, всегда под конец ссоры Ранами говорила, что Фалу просто ничего не понимает, а та в ответ говорила: «Так объясни, сделай так, чтобы я поняла!» И Ранами смотрела на нее так, словно она просила собаку пойти под парусом. Они, когда ругались, будто стояли на двух островах и не могли найти переправу.

Только начинался сезон дождей. Лес за стенами дворца был влажным и зеленым. Фалу шла по скользкой мостовой и откидывала нависающие перед лицом мокрые ветки деревьев. Где-то вдалеке без конца свистели, привлекая партнеров, певчие птицы – надо было успеть спариться, пока не наступил сухой сезон, когда уже трудно высидеть потомство.

Дворец стоял на вершине холма, а город лежал у подножия. Фалу шла по извилистой горной дороге и старалась не сбиться с шага. Несмотря на царящее среди фермеров недовольство и непопулярность отца, жители Нефилану хорошо относились к Фалу. Им нравилось, что она не заносится, нравилось, что она часто спускалась в город навестить свою мать-простолюдинку. Из-за этих визитов к матери в сопровождении стражников Фалу и решила научиться биться на мечах. Овладев этим искусством, она могла настоять на том,

чтобы навещать мать без охраны.

Когда Фалу одолела в стычке двух лучших бойцов, отец наконец сдался и позволил ей ходить одной. Сначала она спускалась в город только повидаться с матерью. Потом чтобы побродить по рынкам. А потом попала на глаза прибывшему с визитом губернатору и впервые влюбилась. Фалу была поздним цветком, ее бутон распустился только в девятнадцать лет, но она быстро наверстала упущенное.

На полпути к городу Фалу сошла с дороги в жидкую грязь на обочине, чтобы уступить место повозке. Повозка скрипела под тяжестью груза, вол с заметным усилием тащил ее за собой. Очередная поставка во дворец.

Иногда Фалу задавалась вопросом: как все было при Аланге? После всех реставраций и обновлений, которые провела ее семья, это место, скорее всего, было похоже на оригинал, как комнатная собачонка – на волка. Отец разбогател на торговле орехами, он был уверен, что император однажды обязательно прибудет с визитом, и приказал построить новый зал сразу у стен дворца.

Повозка медленно проезжала вверх по тропе, а Фалу смотрела на город и пыталась разглядеть среди тесно стоящих домов с зелеными покатыми крышами дом Ранамы.

Что ей сказать?

Прости меня?

Это было бы самым очевидным началом разговора, но очевидное часто и есть самое неподходящее.

Я тебя понимаю?

Да, пожалуй, Ранами хотела бы услышать именно это, но это неправда.

Я люблю тебя?

Это – правда, правда, от которой у Фалу чуть сердце не выскакивало из груди, когда она смотрела на Ранами.

Каждые несколько недель у Фалу бывала новая женщина, новое страстное свидание. Но однажды она увидела на пристани Ранами, и у нее перехватило дыхание. Если бы Фалу тогда пригляделась повнимательнее, она бы поняла, что Ранами не такая уж особенная. Девушка сидит на корточках на краю пристани, у нее длинные ресницы и тонкие пальцы, она вытягивает из глубины краболовку. Как можно влюбиться, глядя на то, как кто-то вытягивает из моря краболовку?

Сначала Фалу заметила, как красива Ранами, потом – как она грациозно двигается, а потом – как она приоткрывает рот, когда пытается сосредоточиться, как хмурится и у нее между бровей появляются две тонкие морщинки.

Ее попытка познакомиться оставляла желать лучшего – она выразила желание купить краба, хотя было понятно, что крабы не для продажи. Ранами нахмурилась, растерялась немного и сказала, что ловит крабов для себя. Она знала, кто перед ней. Зачем дочери губернатора покупать краба у случайной девушки на пристани? В общем, она очень быстро раскусила Фалу и отказала.

– У меня нет желания становиться чьей-то игрушкой, –

сказала Ранами.

– Или нет желания знакомиться с женщинами?

Ранами долго и пристально смотрела Фалу в глаза, как будто не могла поверить в услышанное.

– Дело не в том, что ты – женщина, а в том, кто ты.

Не самое удачное начало. Фалу выполнила просьбу Ранами и оставила ее в покое, но слова девушки заставили ее задуматься. Она порвала со своей тогдашней пассивностью и целых три месяца воздерживалась от секса. Может, она и вправду играла с другими и не считалась с их чувствами?

А потом случилось удивительное: Ранами сама отыскала ее во дворце.

– Возможно, я веду себя глупо, но если у тебя еще не пропал интерес... – потупив глаза, сказала Ранами и протянула ей корзину с крабами.

Фалу постучала пальцами по рукояти меча. Слова Ранами, которые та сказала в их первую встречу, звучали у нее в голове.

«Дело не в том, что ты – женщина, а в том, кто ты».

Может, и сейчас все дело в ней? Фалу встряхнулась, чтобы отогнать неприятные чувства. Они обволакивали ее сердце, как пленка масла на воде. Если все так плохо, надо заставить Ранами сказать это, потому что сама Фалу не могла порвать с ней.

Она шла по узким улочкам недалеко от пристаней. Дождь смыл всю грязь из сточных канав, но в воздухе еще висел

слабый запах рыбы. Несколько сирот, которые обитали в канавах, заметили Фалу и побежали за ней по пятам:

– Подайте, сай¹, подайте.

Фалу достала из кошелька несколько монет и бросила их сиротам. Отец каждые десять дней давал ей деньги на карманные расходы. Фалу не представляла, на что их тратить, и взяла себе за правило, гуляя по городу, помогать сиротам и больным, которые не смогли оправиться после того, как у них вырезали кусок из черепа.

Ранами жила в небольшой однокомнатной квартирке над лавкой, хозяин которой торговал паровыми булочками. Фалу издали почуствовала их аромат и запахи рыбного соуса и зеленого лука. Торговец, завидев Фалу, поднял руку, она в ответ коротко кивнула, свернула в проулок к лестнице и почувствовала себя немного глупо, когда уклонялась от стекающих с крыши последних капель дождя. Если бы отец сумел настоять на своем, она бы ходила в шелках, плавала на другие острова и участвовала в переговорах. Она должна была обучаться искусству дипломатии, а не сражаться на мечах. Будучи единственным ребенком, она должна была стать подспорьем для губернатора. Отец часто стенал, что дочь впустую тратит время, но так и не смог заставить себя надавить на нее.

Фалу взялась за перила и замерла на месте. Что-то было

¹ Сай – уважительное обращение к взрослому мужчине или женщине. (Здесь и далее примеч. перев.)

не так. Ей следовало почуять это раньше, но она была слишком увлечена своими мыслями. Из квартиры наверху не доносилось ни звука. И еще дверь... Она должна быть закрыта, а сейчас приоткрыта.

Фалу взялась за рукоять меча и позвала:

– Ранами?

Никто не ответил, тогда она окликнула торговца:

– Дядюшка, ты видел Ранами сегодня утром?

– Я сегодня ее весь день не видел, сай, – отозвался торговец.

К этому времени Ранами обычно уже успевала сходить расставить краболовки, к тому же перед уходом она любила купить в лавке пару паровых булочек. У Фалу чаще забило сердце и онемели губы. Не отпуская рукояти меча, она преодолела последние ступеньки лестницы и вошла в квартиру.

Фалу еще надеялась, что застанет Ранами дома, та вздрогнет, увидев ее, и спросит, что она здесь делает. Занавески были задернуты. Фалу вытащила меч из ножен, но к этому моменту ее глаза уже привыкли к полумраку и она увидела, что в комнате никого нет.

Ранами была хорошей хозяйкой, и в ее жилище всегда царил идеальный порядок. Теперь там был полный бардак – простыни сорваны со спальных подушек, из шкафа выброшены все вещи, стулья перевернуты. Ранами чуть ли не умоляла ее почитать книги по этике и философии, теперь они были разбросаны по всему полу. У Фалу застучало в висках.

Нельзя быть такой упертой. Не следовало тянуть, надо было как можно скорее вернуться и попросить прощения. Вообще не следовало оставлять Ранами.

Кому вдруг захотелось устроить такое? Ранами торговала книгами и жила очень скромно. И где она сейчас?

Фалу вложила меч в ножны и подняла с пола платье. То самое, в котором была Ранами в день их первой встречи. Золотистая, цвета куркумы, ткань оттеняла ее смуглую кожу и черные волосы.

– Ранами? – снова позвала Фалу и услышала нотки отчаяния в собственном голосе.

Не верилось, что это происходит на самом деле. Казалось, она шагнула в зазеркалье, и если хорошенько постарается, то сможет шагнуть обратно в свой мир. Фалу крепко зажмурилась и открыла глаза. Она стояла все в той же темной комнате, но в этот раз увидела на столе кусок пергамента.

Фалу широким шагом подошла к столу. У нее под ногами скрипели половицы. Она схватила пергамент. Чтобы прочесть то, что на нем было написано, пришлось отодвинуть занавеску. «Если хочешь снова увидеть Ранами, приходи к руинам Аланги у дороги из города».

6

СЭНД²

Маила, остров на краю Империи

Сэнд взбиралась по манговому дереву. Она уже собрала почти полную сумку плодов, но, чтобы вернуться в деревню, надо было сорвать еще два. Поэтому Сэнд и забиралась все выше и выше. У нее сбилось дыхание, руки и ноги начали ныть от напряжения. Она всегда возвращалась в деревню только с полной сумкой. Все так делали. Кто не собирал полную сумку, тот не возвращался. Сэнд видела одного такого – его звали Вэйвс³: он ловил рыбу, забрасывал сеть в море, пока не поднялся прилив, и тогда он упал со своего насеста в воду. И его не стало. Разбился об окружавшие Маилу скалы. Такое иногда случалось. Когда-нибудь такое могло случиться и с ней. Эта мысль не пробудила в Сэнд никаких чувств – ее сердце было серым и холодным, как туманное утро.

² Sand – песок.

³ Waves – волны.

Но сейчас она увидела среди ветвей наверху два манго: они выглядывали из-за листьев, словно стыдливые куртизанки. Сэнд на ощупь нашла место, куда поставить ногу, попробовала, не соскользнет ли, и полезла дальше. Ветка прогнулась под ее весом, но выдержала. Первое манго было над головой и немного за спиной. Надо было развернуться и потянуться к нему слабой рукой, той, на которой не хватало двух пальцев.

Сэнд коснулась манго кончиками пальцев и попробовала притянуть его к себе. Вторая рука напряглась, ладонь стала влажной от пота.

Остальные, наверное, уже выполнили поставленные задачи и вернулись в деревню. Сэнд задержала дыхание и оглядела крону дерева в поисках более легкой цели. Ничего.

Она – Сэнд и всегда возвращается с полной сумкой. Отступать нельзя.

Сэнд крепче ухватилась за ветку и снова потянулась за манго. В этот раз ей удалось взять его за нижнюю часть. Она попыталась сорвать плод. Он выскользнул из пальцев, а Сэнд соскользнула в воспоминания.

...Она прикасалась не к манго. Это была занавеска из грубого льна. Она отодвинула занавеску. На ее руке были все пальцы. Серебряный солнечный свет упал ей на лицо и согрел щеку. Она заморгала и увидела зеленые черепичные крыши окутанного золотистым туманом дворца, а за ним остроконечные вершины гор, которые напоминали ладони,

полные драгоценных камней. В груди закружил вихрь эмоций – смятение, изумление, страх. Не в силах совладать с ними, она отпустила занавеску и отодвинулась в темноту паланкина...

Нет, она – Сэнд. Она – Сэнд, и она собирает манго. Она никогда не видела этого места из воспоминаний. Но она все еще чувствовала запах сандалового дерева и сырость утреннего тумана в воздухе. Руки ныли от боли.

А потом ладонь соскользнула с ветки.

Сэнд взмахнула руками, и мир замедлился. Она ударилась рукой о ствол за спиной, но не смогла ни за что ухватиться. Нога сорвалась из развилки между ветками. Она падала. Ветки хлестали, голова запрокинулась и тут же снова поднялась, перед глазами все поплыло. Тело фиксировало каждый удар, но как место, которое станет болеть позже.

Земля. Удар о землю причинит настоящую боль.

Земля поддалась, но совсем чуть-чуть. Из легких вышибло воздух. Сэнд открыла рот, чтобы сделать вдох, но облегчения это не принесло, она закашлялась и срыгнула. Кружилась голова, Сэнд хватала ртом воздух, руки у нее были все в крови. Места, которые сначала онемели от ударов о ветки, теперь пронзала острая боль. Сэнд перевернулась на бок и медленно села. Каждое движение отдавалось новой болью. Она была жива, но эта мысль ее не радовала. На ладони был глубокий порез, Сэнд надавила на него, чтобы осмотреть, и зашипела от боли. Ветка рассекла кожу, были видны тонкий

слой жира и мышцы.

Такую рану придется зашивать.

Эта мысль, как картинка из воспоминаний, тоже принадлежала не ей.

Мир кружился и двигался одновременно с ее взглядом. Ничего не поделаешь, надо встать и возвращаться в деревню. Тэтч⁴ зашьет ей рану. Туника надорвалась, Сэнд отодрала от нее полоску, чтобы перевязать ладонь.

Когда Сэнд наконец смогла встать на ноги, земля покачивалась... Как будто она была в лодке – в лодке, которая доставила ее сюда. Которая доставила сюда их всех.

Нет. Не было никакой лодки. Или была? Сэнд не была уверена в собственных мыслях и в том, кто она.

Рядом с деревом на боку лежала сумка с манго. Несколько плодов выкатились, Сэнд собрала их и, поморщившись от боли, закинула сумку на плечо. У нее было такое чувство, будто в голове бьет молотом кузнец, а наковальня – это ее череп. На каждый удар сердца кузнец отвечал ударом молота.

А сумка все еще не была полной.

Сэнд оценивающе посмотрела на дерево и решительно пошла к стволу, чтобы забраться на него еще раз, но возле первой же ветки ее что-то остановило.

Почему она должна возвращаться с полной сумкой? Что за глупость такая? Холодное серое сердце Сэнд окрасилось в красный цвет. Она может просто... вернуться в деревню.

⁴ Thatch – тростник.

Там полно манго, на всех хватит, да и остальные тоже заняты тем, что выращивают и собирают урожай.

Что-то изменилось в промежутке между тем воспоминанием и падением с дерева. Словно она отодвинула занавеску и увидела дворец. Мир был не только внутри паланкина.

На полпути в деревню, в том месте, где тропинка поднималась над океаном, Сэнд остановилась. Она смотрела за горизонт, а морские брызги ласкали ее лицо.

Окружавшие Маилу рифы местами поднимались из воды, словно хребет какого-то нездешнего зверя. А за рифами ждало Бескрайнее море. От этой мысли Сэнд чуть не задохнулась, как после падения с мангового дерева.

Почему она вообще на Маиле? Почему никто из них не уплывает отсюда?

7

Йовис

Где-то в Бескрайнем море

Это был никакой не котенок.

Я наблюдал, как Алон играет с ним на носу лодки. Зверек прыгал за его поддрагивающими пальцами и нежно их покусывал. Во-первых, ушки у него были маленькие и круглые. Во-вторых, когтей у него на передних лапах не было, а были пальцы с толстыми перепонками. В-третьих, коричневая шерсть на брюшке была заметно светлее, чем на всем остальном теле, и больше напоминала густой мех выдры. Я мог бы все это заметить, когда вытаскивал его из воды, но у меня было оправдание – тогда прямо перед нами уходил под воду целый плавучий остров.

Сердце как будто клещи сжали.

Мальчишка занимался зверьком, а я смотрел вдаль, пока остров не исчез за горизонтом. У меня еще теплилась надежда, что остров не затонет, но потом на закате исчезли и клу-

бы дыма, а с ними и последняя надежда. Все жители острова погибли. Мне хотелось завопить от охватившего меня ужаса.

Вода поднялась людям до щиколоток, потом до плеч, а потом остров целиком ушел под воду. Люди, которые попрятались в своих домах, оказались в них как в ловушке. Они стучали кулаками в потолок, но их легкие вместо воздуха заполняла вода, остров уходил все глубже, и вода все сильнее давила им на уши.

Я провел пятерней по волосам. И ладонь, и волосы были грязными, в горле першило, как будто я наглотался поднимающейся после землетрясения пыли.

Алон почесывал зверька за ушами. Я не знал, что это за зверек, – в Бескрайнем море обитало бесчисленное множество разных тварей. Да и какая разница? Судя по перепончатым лапам, он точно был водоплавающим, так что получалось, вытащив его из воды, я вовсе не спас утопающего. Но с другой стороны, он был совсем крохой, который потерял маму, и он сожрал половину моих рыбных запасов, прямо как потерпевший крушение моряк.

Зверек защebetал и рванул с носа ко мне на корму. Увидев, что ему удалось привлечь мое внимание, он сел у моих ног. Потом приподнялся на задние лапы и положил мне на колено переднюю лапу с перепонками. Он смотрел на меня круглыми черными глазами, и в его взгляде была какая-то странная серьезность.

– Ты нравишься Мэфисоло, – сказал Алон. – Он знает,

что ты его спас.

– Мэфисоло? – усмехнулся я. – Ты дал имя этому существу?

– Он не существо, – упрямо сказал Алон.

– Хорошо, – я кивнул, – он Мэфисоло.

Да, зверек явно не походил на чудовищного морского змея из древних преданий, который мог проглотить целый город, если жители не нарвут ему ягод дымчатого можжевельника.

– Грозное имя для такого мелкого паренька, – заметил я.

Алон пожал плечами и, глядя вниз, чертил носком круги на палубе.

Я совсем не ожидал, что мне будет неловко за то, что я над ним подшучиваю.

– Пусть будет Мэфи. Мэфисоло – слишком длинно, не выговоришь.

– А мне показалось, в самый раз, – сказал Алон, и улыбка снова появилась на его лице.

– Ты можешь звать его, как тебе нравится.

Я протянул к зверьку руку и ждал, что он станет нюхать мои пальцы или даже куснет разок. Но он только поднял лапу и положил ее мне на ладонь, как будто мы были старыми приятелями и случайно повстречались на улице. У меня дрожь пробежала по руке до самого плеча, даже волоски дыбом встали. Я мягко отвел руку и рискнул погладить зверька по голове. От серьезности в его взгляде не осталось и следа.

Мэфи явно был доволен, он потыкался головой мне в ладонь, а потом свернулся в клубок на палубе и при этом урчал, как старушка, которая размешивает ложкой особенно удавшееся жаркое.

Я рассмеялся, хотя думал, что после острова Голова Оленья еще очень долго не буду смеяться. Мэфи подпрыгнул, как будто мой смех его напугал, метнулся обратно к Алону, забрался к нему на колени и снова схватил его за пальцы.

Мальчишка захихикал, но уже в следующую секунду его смех перешел в рыдания.

– Остров утонул? Они правда все утонули?

Люди. Они попали в ловушку. Им некуда было деваться.

Я тяжело сглотнул. Мальчик смотрел на меня.

– Да, думаю, да.

Алон разрыдался еще сильнее. Хотя, если бы я скрыл правду, было бы только хуже. Реальность – суровая госпожа, но от нее нельзя отмахиваться.

Мэфи устроился на коленях у мальчика, постукивая его лапками, а потом посмотрел на меня.

Хотел, чтобы я что-то предпринял?

Я откашлялся и сказал:

– Мне жаль.

Но ветер унес мои слова. Если бы мы с Алоном были старыми друзьями, если бы он был постарше, я бы отвел его в трактир и мы бы помянули добрым словом всех погибших. Я бы предложил ему веточку можжевельника, чтобы он сжег ее

вместе с телом. Но Алон был маленьким мальчиком, а у меня не было ни веточки можжевельника, ни тела.

– Твоя тетя могла спастись, – сказал я.

Это была явная ложь, а ложь не могла успокоить Алону. Он мог поверить моим словам во время первых толчков на острове, но посреди Бескрайнего моря за выдумками не спрячешься.

Мэфи не сводил с меня глаз.

Я заговорил громче, чтобы Алон мог меня услышать за порывами ветра:

– Твоя тетя была сильной женщиной. Когда я с ней повстречался, она взяла с меня слово, что я спасу тебя. Она переживала за тебя и очень тебя любила.

Алон перестал плакать.

– Тетушка пообещала приготовить дамплинги и устроить для меня пир, – сдавленным после плача голосом сказал он, – если я выживу после Праздника.

– Да, – кивнул я, – она как раз их лепила, когда я с ней познакомился.

– Это была Аланга? – Алон вытер рукавом слезы. – Они вернулись?

Я не знал, что на это ответить.

– Император должен нас от них защищать. Это его работа. Снова ложь. По крайней мере, я в это не верил.

Алон посмотрел на горизонт, на восток, туда, где жили его родители:

– Я хочу домой.

А я хотел отвезти его домой.

Мимо нас проплывали другие лодки. Сначала императорские каравеллы, которые пожирали запасы умных камней, за каравеллами – лодки императорских торговцев, а за торговцами – суденышки простых людей, которым, видимо, посчастливилось каким-то образом унаследовать немного камней.

Я вышвырнул за борт целых два ящика. Если бы бросил мальчишку на берегу, мог бы оставить один. Ну уж нет. Ради того чтобы найти Эмалу, я совершил много плохих поступков, но оставались границы, через которые я не мог перейти. Не мог, даже когда на меня накатила первая и самая страшная волна отчаяния. А иначе как бы я смог снова посмотреть ей в глаза? Вот поэтому я и плыл через океан без умных камней и помощником мне был только ветер.

Я сверился с картами. Острова мигрировали на северо-запад и в сторону влажного сезона, но острова архипелага Хвост Обезьяны в это время года смещаются ближе друг к другу. Я быстро провел кое-какие расчеты, учитывая передвижение островов. Если мы идем на восток, нужный нам остров в это же время должен медленно двигаться нам навстречу.

– Поспи немного, – предложил я Алону. – К закату будем на месте.

Мальчишка заснул почти мгновенно, как будто он был

конструкцией и я вживил в его кости команду «спать». Мэфи свернулся клубком у Алона под боком, а я понадеялся, что родители мальчика не станут возражать, если я заодно при-тащу в их дом этого зверька.

Я не ошибся в своих расчетах, впрочем, в этом я всегда был хорош. Мы прибыли на закате, солнце как раз соскользнуло за горизонт. Отмахиваясь от кусачих жуков, которые как будто только и ждали, когда скроется светило, я быстро пришвартовал лодку. С дежурившей на пристани конструкцией Торговец все прошло гладко. Обычно они смотрят на меня, потом на лодку, потом я заявляю, что у меня нет груза, и они снова смотрят на лодку. Но это если конструкции не уставшие, а эта была уставшей. В общем, Торговец схватил клювом плату за стоянку и сказал, что все в порядке.

Я растолкал спящего Алона:

– Мы на месте. Показывай дорогу к дому твоих родителей.

Алон кивнул и отодвинул от себя Мэфи.

– Ты разве не возьмешь его с собой? – удивился я.

Алон зевнул и покачал головой:

– Мэфисоло хочет остаться с тобой.

– Мэфи следует жить с другими Мэфи.

Мне казалось, что будет хорошо, если мальчишка оставит себе зверька, хотя, конечно, я не имел права решать за его родителей. Но я не мог позволить себе держать на лодке всякую живность. Так что Алон и рта раскрыть не успел, как я взял зверька на руки, подошел к краю пристани, встал на ко-

лени и опустил его в воду. Естественно, задержался, чтобы убедиться, что он проснулся и может плыть. Мэфи перевернулся на спину и посмотрел на меня.

– Плыви, – сказал я, – найди свою родню.

Мэфи словно понял меня: он перевернулся на живот и нырнул. Я возвратился к Алону и, помахав руками, отогнал от него жучков.

– Идем.

Координаты он мне дал довольно смутные. К его дому надо было пройти «чуток наверх от пристани», и он стоял «рядом с большим деревом». Было уже темно, но я отпустил руку Алона и позволил ему идти впереди. В кустах вокруг нас трещали сверчки, на тропинках и улицах, несмотря на позднее время, былолюдно – беженцы искали пристанище, как выползшие на берег морские черепахи надеются найти хорошее гнездо.

Наконец мы остановились возле скромного дома с тростниковой крышей, рядом росло высокое банановое дерево. Несмотря на смутные координаты, Алон вывел нас точно к цели.

Я громко постучал в дверь.

На порог вышел мужчина – очень бледный. Увидев Алона, мужчина разрыдался, опустился на колени и прижал мальчика к себе. Я заглянул в дом: на кровати лежала женщина, ее лицо было красным от жара, а на лбу блестели капельки пота. Она посмотрела в мою сторону. Мне был знаком этот

пустой взгляд. Болезнь осколка. Где-то начали использовать ее осколок, и он постепенно вытягивал из нее жизненные силы. Неудивительно, что Данила так отчаянно хотела уберечь племянника.

Этот взгляд не всякий смог бы выдержать.

Я снова повернулся к Алону и посмотрел на лысую макушку его отца, который уткнулся лицом в плечо сына.

– Мы слышали... – сказал он, – мы слышали о том, что случилось.

Разве найдешь тут нужные слова? Я вернул ему сына, но он потерял сестру, и у него умирала жена.

– Данила помогла мне, а потом попросила спасти его, – сказал я, когда мужчина наконец отстранился от Алона и посмотрел на меня снизу вверх. – Я был у нее в долгу.

– Подожди секунду, я сейчас.

Мужчина ушел в дом и вернулся с десятью серебряными монетами. Для рыбака это небольшое состояние. Он протянул мне монеты, и я с благодарностью их принял. А как иначе? Глупо было отказываться после того, как я выбросил в море два ящика умных камней. Я не был монахом, а даже если бы и был, стены монастыря не уберегли бы меня от Иоф Карн.

– Поужинаете с нами? – предложил мужчина. – Это самое меньшее, что мы можем для вас сделать. Сегодня никто не ляжет спать, только не после таких новостей.

Алон опустил на колени рядом с кроватью и осторожно

гладил мать по волосам.

На лодке меня ждала твердая лежанка и одеяло. Заснуть я, может, и не заснул бы, но зато на лодке было где отдохнуть.

– Спасибо, но утром я отплываю, – сказал я. – Я ищу кое-кого. Их лодка чуть меньше императорской каравеллы. Из темного дерева и под синими парусами.

Отец Алона закивал, и у меня чаще заколотилось сердце.

– Видел такую не далее как вчера. Думаю, заходили к нам за припасами, но, если хочешь ее нагнать, советую поспешить. Я рыбачил, и они проплыли как раз мимо меня. Лодка у них скачет по волнам быстрее дельфина. Направлялись на восток. Думаю, к Нилану.

Эмала. Я нашел подсказку, теперь найду и ее, надо только нагнать эту лодку.

– Спасибо вам. И вот еще что... – Я жестом попросил его подойти поближе. – Ваш сын. Я спас его до начала Праздника десятины. Все списки теперь потеряны. Сделайте ему порез в нужном месте, и никто ничего не узнает.

Отец Алона отступил от меня на шаг, его глаза наполнились слезами. Осколок Алона никогда не используют для усовершенствования конструкций, а значит, ему не надо бояться, что из его сына в любой момент начнут высасывать жизненные силы.

– Кто ты?

Потопление острова потрясло меня, от присущего мне легкомыслия не осталось и следа, но теперь оно стало поне-

многу возвращаться.

Кому этот рыбак станет обо мне рассказывать?

Я спас его сына.

– Йовис, лучший контрабандист Империи, – представился я и оттянул наверх рукав, демонстрируя свою навигаторскую татуировку.

А на самом деле давно надо было ее чем-нибудь перевязать.

После этого я развернулся и пошел обратно к пристаням. Давно я не чувствовал такого подъема, и вдобавок у меня в кармане позвякивали серебряные монеты.

Проснувшись утром, я чувствовал себя уже не так хорошо: болела челюсть и не хватало воздуха. Наверное, оттого, что стискивал зубы, пока снова и снова видел во сне, как целый остров, содрогаясь от землетрясения, уходит под воду. Еще мне снилось, что я остался на этом острове, мое тело погружалось в бездонную глубину, легкие разрывались от давления воды.

Но я проснулся на своей лодке, и мое сердце стучало громче, чем лодки о пристани.

Все пристани были заняты, и еще много лодок стояло на якоре недалеко от берега. Голова Оленя был крупным островом, и хотя большинство его жителей погибли, некоторым все же удалось спастись. Императору пришлось прислать конструкции, солдат и продовольствие. Царящий во круг хаос мог купить мне отсрочку по долгам Йоф Карн, а

если очень-очень повезет, они решат, что я погиб.

Как мне ни хотелось выйти в море с первыми лучами солнца, надо было восполнить потери, поэтому я замотал тряпкой запястье с татуировкой и отправился на рынок.

Рынок был не особо большой – просто вытянутый лабиринт из торговых прилавков. В двух узких проходах витали запахи сухого перца, жареной козлятины и выпечки. На таком рынке и так всегда тесно, а тут еще вынужденные гости с Головы Оленя искали припасы, как искали бы своих близких на других островах.

Быстро прикинув, что к чему, я остановился у прилавка со сладкими дынями. Такие дыни растут в основном на южных островах в сухой сезон, и, когда мы отправлялись в семилетний влажный период, они становились все дороже. А теперь, когда Голова Оленя затонул, они превратились в настоящую редкость.

Я торговался жестко, но не очень успешно, цена, на мой вкус, все равно осталась высоковатой. И вот, когда продавщица перевязала бечевкой обе коробки и я протянул к ним руки, справа у меня за спиной прозвучал чей-то голос:

– А ты ничего так получился на листовках. Платил сиротам, чтобы их срывали, – умно. Но похоже, Империя действительно решила сделать из тебя показательный пример.

Шляпа. Татуировку я замотал, на мне была солдатская униформа, но шляпы не имелось. Я чувствовал себя как кролик с затягивающейся на шее петлей и, как кролик, продол-

жал брыкаться.

– Глаза, – сказал я, повернувшись на голос, но не выпуская из рук коробки с дынями. – Глаза они так и не научились рисовать.

Филин стояла в расслабленной позе, прислонившись к стене и выставив одну ногу перед другой. На ней была стеганая туника без рукава, так что все могли полюбоваться ее загорелыми мускулистыми руками. На ремне болталась короткая деревянная дубинка, но я-то знал, что ножи у нее тоже имеются, просто она не держит их на виду.

– Я думаю, они приукрашивают твою внешность, – сказала Филин.

– Правда? А я кого ни спрашивал, все говорили обратное. У Филин был один талант: она умела делать такое лицо, будто закатила глаза, а сама при этом продолжала смотреть прямо на тебя.

– Да, мне говорили, что ты считаешь себя заправским весельчаком.

То, что они послали за мной Филин, было хорошим знаком. Она не любила ярких красок, предпочитала сдержанность. Думаю, если бы я на секунду от нее отвернулся, в следующую она могла бы просто слиться со стеной. Но ее дар отслеживать людей, которых разыскивает Иоф Карн, – это кладезь историй, которые приберегаешь для пьянок у камина в каком-нибудь трактире. Главное, чтобы тебе поверили.

Я поднял свободную руку ладонью к Филин:

– Я как раз направлялся к Кафре. – Тут я огляделся по сторонам и чуть подался вперед. – У меня целых два ящика умных камней, это покрывает долг за лодку и еще останется.

Филин потянулась к дубинке:

– Тебе вообще не следовало влезать в долги. Ты должен был сначала расплатиться за лодку и только потом выходить в море. Ты не покупал ее в долг, ты ее украл, и ты знаешь, как Кафра относится к тем, кто у него ворует.

Боковым зрением я увидел, что за нами наблюдают двое – мужчина и женщина в стеганых туниках. Они стояли чуть дальше в проходе и были вооружены. Люди Иоф Карн. Они не были так расслаблены, как Филин.

– Я выполнял все его задания, а он выдумывал для меня новые. У меня бы полжизни ушло на то, чтобы расплатиться за эту его лодку.

Сам не знаю, почему решил препираться с Филин, не в ее власти было меня помиловать, но спор помогал мне тянуть время. Женщина, которая продала мне дыни, как только услышала имя Кафры, сразу шарахнулась в глубину прилавка и постаралась смешаться со своим товаром. Большинство торговцев платили дань Иоф Карн, а эта продавщица, видимо, увиливала. Остров-то был маленький.

– Да, – сказала Филин, – и ты согласился на такие условия.

– Моя лодка пришвартована у пристаней. Это не займет много времени.

Филин призадумалась. Два полных ящика умных камней

– это целое богатство. Не важно, насколько зол на меня Кафра, дополнительным запасам он порадуетя. Контрабандисты Иоф Карн, когда уходили от императорских кораблей, тратили много камней.

Филин повернулась, чтобы позвать своих людей. У меня появился шанс – и я побежал.

Может, я и не был таким мускулистым, как Филин и ее люди, но я был быстрым и умел передвигаться в толпе. У меня по бокам свисали коробки с дынями, бечевка врезалась в пальцы, но я уже потерял умные камни и не мог позволить себе расстаться с дынями. Поникшие и молчаливые беженцы передвигались по узкому проходу словно призраки. Я ловко лавировал между ними, и никто из них и не подумал меня остановить или хоть как-то помешать.

Филин преследовала меня налегке, но даже если бы она не увидела, куда я свернул, она бы все равно меня нашла.

В общем, вариантов у меня не было.

Дело было так. Семь лет назад, в то утро, когда пропала Эмала, я увидел вдалеке черную лодку с синими парусами. Ее очертания были размыты, как во сне. Я только раз моргнул, и она исчезла.

Я пытался как-то устроиться в этой жизни без Эмалы, но никто не хотел нанимать навигатора – по происхождению наполовину пойера да еще без рекомендаций из Академии мореплавателей. Когда люди Иоф Карн вышли на меня с предложением, мне показалось, что это будет лучшим способом

забыть о своем горе.

А потом, два года назад, я снова увидел ту лодку с синими парусами, в этот раз четче, но она все равно невероятно быстро растаяла вдали. Я охотился на нее пять долгих лет, не знал, куда плыть и что искать, мне оставалось только верить собственным глазам. Поэтому я перестал отвечать Кафре и решил действовать в одиночку. Два года я гонялся за слухами на ворованной лодке, ускользал от людей Иоф Карн и одновременно посылал им деньги, чтобы рассчитаться с долгом.

И вот теперь я как никогда близок к цели, а они хотят меня остановить? Нет. Только не в этот раз. Я всегда держу слово.

Я бежал по улицам, у меня срывалось дыхание, коробки с дынями не переставая били по ногам. Мимо мелькали лица – старые и молодые, сморщенные и гладкие, но все – изможденные. Некоторые еще были в грязи после землетрясения и со светлыми полосками слез от глаз к подбородку.

До пристаней было рукой подать – всего один поворот.

Позади кто-то закричал, я невольно оглянулся. Прислужники Филин, в отличие от меня, шли сквозь толпу напролом. Один из них опрокинул бадью, и на землю устремился поток серебристой рыбы.

Но где же Филин?

Я повернулся кругом и краем глаза успел увидеть метнувшуюся ко мне из-за угла Филин. Она врезалась плечом в мое плечо. От такого мощного удара у меня перехватило дыха-

ние, а бечевки от коробок вырвались из рук. Я словно со стороны видел свое падение: приземлился на плечо, а руки все еще пытались схватить потерянные дыни.

– У тебя нет умных камней, – сказала Филин.

– У меня есть дыни, – сдавленным голосом ответил я, когда наконец смог восстановить дыхание. – Можешь их продать, внакладе не останешься.

– Дыни меня не интересуют, – безразлично ответила Филин.

– Я посылал деньги Кафре и вдобавок платил сборы за контрабанду и долю от прибыли. Мне не нужны неприятности.

Филин стояла надо мной, заслоняя солнце. Бриз с океана поигрывал выбившимся из ее косы черным завитком волос. Подтянулись запыхавшиеся прислужники и встали по бокам своего командира.

Филин отстегнула от ремня дубинку.

– Поэтому мы и не собираемся тебя убивать, – сказала она.

Если надо в считанные секунды очистить любую улицу от толп народа, лучший способ – появление людей Иоф Карн с целью кого-то избить.

Даже когда на меня посыпались первые удары, я все еще пытался придумать, как убежать от Филин, как ее провести. От ударов горели плечи и спина, перед глазами поплыли красные пятна. Я ощупывал землю в надежде найти хоть что-то, что поможет мне выкрутиться из этой ситуации, но под

руки попадались только грязь и мелкие камни. Я все равно швырял их в сторону Филин.

Она легко отмахнулась рукой в кожаной перчатке и призналась:

– Мне самой это не нравится. Будешь лежать тихо, все закончится гораздо быстрее.

Я поверил, что ей не доставляет удовольствия избивать меня, но ее люди явно придерживались других взглядов. Удар ногой по ребрам – и я распластался на земле, только успел увидеть, как на мгновение обнажились в улыбке зубы, словно белые перья под птичьим крылом.

Боль накладывалась пластами: острая поверх тупой, ссадина поверх кровоподтека. Я скорее слышал, чем чувствовал удары дубинки, Филин колотила по моему телу, как по барабану. Под такой ритм кто-нибудь мог бы и сплясать, будь у него желание. Мир вокруг начал тускнеть, звуки стали приглушенными, словно меня накрыли толстым шерстяным одеялом.

– Хватит, – сказала Филин.

Ее прислужники исполнили приказ, как конструкции команду: мгновенно прекратили избивание и одновременно отступили на шаг. Я облизнул губы и почувствовал привкус меди.

– Мне все равно, были у тебя умные камни, которые ты мне обещал, или нет, – сказала Филин. – Я здесь, чтобы сопроводить тебя к Кафре.

Она не стала ждать какого-то знака, что услышал ее слова. Да я и не смог бы, даже если бы очень постарался. У меня даже язык болел – наверное, прикусил во время избиения. Казалось, каждое движение приносит опыт новой боли.

Я должен добраться до пристаней, я должен найти ту лодку, найти Эмалу. Меня еще не схватили. Я буду их пленником, только когда они свяжут меня по рукам и ногам и доставят к Кафре.

Филин наклонилась и протянула ко мне руку, но я отмахнулся:

– Я пойду с вами.

С невероятным трудом встав на ноги, я достал из сумки на поясе несколько волокон вяленого мяса и быстро сунул их в рот. Проглотил, выдохнул, выпрямился и расправил плечи.

После этого вытянул руку перед собой и сказал:

– Назад. Я не хочу причинить вам вред. Кафре это не понравится.

Вся троица растерянно переглянулась.

– Что он съел? – спросила женщина своего напарника.

Тот только плечами пожал.

Филин сделала шаг вперед.

Я сильный. Я не чувствую, как сломанные ребра впиваются мне в легкие. Небеса милосердные, как же больно. Нет. Мне не больно. Я должен в это поверить. Если не поверю, они тоже не поверят. Надо стоять так, чтобы они услышали меня без слов: «Давайте же, испытайте меня».

– Кафра вам что, не рассказывал, что посылал меня ограбить монастырь?

– У тебя не может быть коры дымчатого можжевельника, – нахмурилась Филин.

Вот оно – всегда заставляй их сказать это вслух.

Филин осознала свою ошибку, как только слова слетели у нее с языка. Двое ее людей сразу сникли и отступили назад. Уже много лет никто не видел, как дерутся монахи, но легенды еще ходили и с каждым пересказом становились все красочней.

– Он – треклятый обманщик. – Филин сделала еще один шаг вперед, но уже не так уверенно. – Сколько раз, по-вашему, он проделывал этот трюк? У него ничего нет.

Да, я однажды прибежал к этой уловке, но она не могла об этом знать.

– Откуда тебе знать? – спросил один из прислужников.

Филин обернулась, чтобы ответить ему что-то резкое, и соответственно выпустила меня из поля зрения.

– Не будьте идиотами. Монахи заваривают кору вместе с чаем, они ее не едят. У них всех глотки были бы в занозах!

Мне этого хватило. Я отступил еще на шаг и повалил прилавок на землю так, что он оказался между нами.

Вся эта жизнь, долги, избиения стоят того, чтобы найти Эмалу.

Я подобрал коробки с дынями и побежал к пристани. Мне вслед неслись злобные крики людей Иоф Карн. Все давалось

через боль, каждый вздох, каждый шаг, но я бежал. Когда я вытер лицо рукавом, он стал красным. Удары сердца отдавались в каждом ушибе. Я выиграл время, но не был уверен, что его будет достаточно.

До меня не долетал топот шагов людей Иоф Карн, но, словно грозовое облако, от которого не уйти, долетали их крики, с которыми они расталкивали людей у себя на пути. На пристани я встал на колени, быстро, как только мог, отвязал канат и прыгнул в лодку.

Меня приветствовал какой-то щебет. Корма стукнулась о пристань, я оглядел палубу в поисках источника щебета. Рядом с носом лодки сидел Мэфи, и в лапах у него была рыба. Он снова защебетал и протянул рыбу, как будто просил, чтобы я ее взял. Мне было не до этого.

– Я не могу взять тебя с собой. – Видно, сломанные ребра повредили мне не только легкие, но и мозг, потому что я разговаривал с ним, как с человеком. – Тебе следует найти своих соплеменников. – Я указал на воду.

Щебет, который вначале был тихим и приятным, стал громче и напоминал верещание белки, когда она хочет отпугнуть человека от своего дерева, только раз в сто отчаяннее. Ветер уже задул на восток, парус расправился, и лодка начала отходить от пристани. Между домами появилась раскрасневшаяся Филин с дубинкой в руке. Опасность еще не миновала.

Я схватил Мэфи за загривок и приготовился бросить его

за борт. Шерсть у него была мокрой, а подшерсток густой и сухой.

Щебет зверька стал жалобным, этот тонкий звук пробирал до самых костей. Я инстинктивно запаниковал. В конце концов, этот зверек был еще совсем мелким, он был один в Бескрайнем море, и я хоть и спас его, потом привез на этот совершенно незнакомый ему остров. Что, если у него не получится найти своих соплеменников? Что я потеряю, если оставлю его на лодке еще на какое-то время?

Презирая себя за собственную слабость, я бросил Мэфи обратно на палубу:

– Ладно, только не мешайся под ногами.

Мэфи тут же прекратил пищать. Я ожидал, что он нырнет под лавку, но он не стал этого делать, а вместо этого с довольным урчанием положил рыбу к моим ногам.

А я ринулся к парусам и подумал: Мэфи, возможно, надеется, что я поплыву обратно к Голове Оленя.

Что ж, это я вряд ли когда-нибудь узнаю.

– Я еще пожалею об этом, да? – спросил я.

Тогда я еще не знал, до какой степени.

8

Лин

Императорский остров

– Давай же, маленький Лазутчик, – проворковала я и протянула орех на ладони. – Это не противоречит командам. Всего один орешек. Ничего не случится, он тебе не навредит.

Лазутчик подергал кошачьими ушами и потер морду лапами, слишком большими для его беличьего туловища. Его хвост цеплялся за стропила. Конструкции не имеют индивидуальных особенностей, у них нет слабостей, нет характера, но этот Лазутчик одним глазом поглядывал на орех.

Я потянулась к поясу, рукав формы прислуги неприятно царапал запястье. Я достала второй орех и положила его рядом с первым. Теперь все внимание конструкции сосредоточилось на мне. Лазутчик отцепил хвост от стропила и сделал полшага вперед.

– Вот так. Спускайся, умные камни никуда не денутся.

Солнечный свет просачивался сквозь ставни складского

сарая и яркими полосами ложился поперек пола из потертых досок. Ящики с умными камнями стандартного императорского размера поднимались чуть ли не до самого потолка. Тканая драпировка с одного наполовину сползла.

Лазутчик сделал еще несколько шагов в мою сторону, спрыгнул на верхний ящик и задергал ушами и усами. Я заметила, что он за мной крадется, еще когда шла по коридорам дворца. Отец приглядывал за мной, но это не значило, что Лазутчик не мог между делом немного полакомиться. Склад с умными камнями никто не охранял, хотя это было настоящее сокровище, но конструкции Лазутчик следили за всей прислугой. Мой Лазутчик, как и все остальные, обо всем докладывал главному Лазутчику, Илит, а та не любила сажать воров за решетку. Она предпочитала медленно пожирать их живьем.

Когти заскребли по дереву – Лазутчик подбежал еще ближе. Я старалась не двигаться, хотя протянутая рука уже ныла от напряжения. Наконец Лазутчик схватил у меня с ладони орех. Обычная зверушка тут же умчалась бы со своей добычей в укромное место, но мой Лазутчик принялся есть орех, не сходя с места. У него не вышло остаться незамеченным, так какой смысл куда-то убежать и прятаться? Я осмотрела все составные части конструкции: с виду было похоже, будто он таким и родился. Отец отлично поработал.

С того дня, как остров Голова Оленя ушел под воду, многое изменилось. Конструкция Главный Чиновник беспоко-

ился по поводу того, куда направятся беженцы. Главный Торговец постоянно твердил о потерянной в результате потопления шахте умных камней. Губернаторы островов начали писать отцу. Некоторые, чтобы выслужиться, выражали готовность принять немного беженцев, остальные писали, что не смогут этого сделать.

Состояние дел в Империи и так нельзя было назвать стабильным, а тут такое. Я старалась не задаваться вопросами, хотя их было немало. Что, если все острова начнут уходить под воду? Что, если затопление острова – часть миграционного процесса, о котором мы просто не знали, потому что это случается с промежутками в столетия? Я глубоко вздохнула: если это так, мне этого не изменить. Надо было сосредоточиться на том, что я смогла бы изменить, а для этого надо было оставаться наследницей отца, чтобы после его смерти занять его место.

Я оттянула повыше рукав из шершавой ткани и предложила конструкции второй орех. Лазутчик придвинулся еще ближе и взял орех. Он смотрел на меня своими черными глазками, а я спрашивала себя: способна ли конструкция испытывать к кому-нибудь симпатию? Этому Лазутчику нравились орехи. Чем человек хуже ореха? А если ему понравится проводить время в компании какого-нибудь человека, не сможет ли эта симпатия отменить написанные на осколках костей команды? Мне уже приходилось сбивать конструкции с толку, давая им неоднозначные и взаимоисключо-

чающие команды. У четырех конструкций первого уровня, которые помогали отцу править, имелись какие-то зачатки индивидуальных качеств. Мне хотелось узнать, как с этим у конструкций третьего уровня, например у этого Лазутчика?

Но я пришла на склад умных камней по другой причине. Я видела, как Лазутчики следят за прислугой, и надеялась, что отец не очень сильно изменил первоначальные команды. Память у меня, может, была и не такой хорошей, как у Баяна, но я была гораздо наблюдательней его. Однажды я видела, как служанка в свой выходной уходила из дворца в город. Так вот, когда она накинула плащ на униформу, преследовавший ее Лазутчик сразу прекратил слежку.

Поэтому я позаимствовала тунику прислуги из стирки и замаскировалась под служанку.

Я потянулась рукой к горке еще не сложенных в ящик умных камней. Лазутчик смотрел на меня. Я взяла пригоршню камней. Лазутчик задергал носом, но в остальном оставался неподвижным. Я прижала кулак с камнями к груди, а потом притворилась, как будто опускаю их в карман на поясе.

В какой-то момент мне показалось, что я просчиталась. Лазутчик сидел на ящике с умными камнями, как на насесте, и смотрел на меня так, будто ждал, что я предложу ему еще один орешек. Но потом у него встали торчком уши, задергался нос, задвигалась голова; он стремительно промчался мимо меня и проскользнул в щель под дверь.

Теперь мой Лазутчик на пути к тоннелю под внутренним

двором, который ведет во дворец. Тоннель по размерам как раз подходит для его маленького тельца, по нему он добежит до логова Илит и доложит своей госпоже о совершенной служанкой краже.

Убедившись, что все идет по плану, я вернула почти все камни на место и немного оставила себе – вдруг пригодятся. Отец никогда не запрещал мне приближаться к умным камням, а если он захочет наказать кого-то из служанок, я скажу ему, что сама попросила принести мне горсточку для опытов.

Я посмотрела в щель между ставнями, оглядела ящики, на случай если там притаился еще один Лазутчик, и убедилась, что на складе, кроме меня, никого нет.

Новый ключ, который для меня выковал кузнец, я забрала еще два дня назад, и теперь он лежал в кармане на поясе. Головка у этого ключа отличалась от оригинала, но у меня было такое чувство, что отец узнает его, если увидит. Я чувствовала, какой ключ тяжелый, и осознание, что он у меня, меняло даже мою походку.

Слуги занимались своей работой утром и рано вечером перед ужином, отец заперся в комнате, чтобы ставить опыты, и взял с собой Баяна, так что весь дворец был в моем полном распоряжении.

Когда я бодрым шагом вернулась обратно, мне показалось, что свет в окнах стал ярче и даже воздух, как я, дрожит от возбуждения.

У меня в кармане лежал ключ от одной из запретных для меня комнат.

Я поднялась в парадный холл по левому маршу лестницы. Стену наверху украшала потускневшая от времени фреска – единственное, что осталось во дворце после Аланги. Мои предки построили дворец вокруг этой стены, она служила напоминанием о том, против чего мы сражались.

На фреске были изображены мужчины и женщины. Они стояли плечом к плечу, глаза закрыты, руки сцеплены. Аланга. Я не была уверена, кто из них Дион, а кто Арримус, хотя раньше, до того как потеряла часть воспоминаний, наверняка смогла бы их распознать. Фреска потускнела, но все равно было видно, какие богатые у них одеяния. Ткани казались мягкими. Проходя мимо, я еле удержалась, чтобы не пробежать по ним пальцами.

Начала я с самых больших, украшенных резьбой дверей. Две из них чуть не проглотили мой ключ, настолько большие у них были замки. Тогда я умерила свои амбиции и стала пробовать, не подойдет ли мой ключ к дверям поменьше. Чем быстрее я найду нужную дверь, тем больше у меня останется времени на то, чтобы исследовать комнату за ней. Практические занятия отца с Баяном часто затягивались до ужина, но нельзя было рассчитывать, что так будет и в этот раз. С каждой новой неудачей сердце у меня билось все чаще.

Может, я совершила ошибку? Что, если этот ключ вообще

не подходит ни к одной из дверей? Что, если отец расставил мне ловушку? Может, он специально все так устроил, чтобы получить повод изгнать меня из дворца и поднять Баяна до моего положения?

Я – Лин. Я – дочь императора. Я овладею магией осколков костей и докажу ему, что достойна занять его место. Я докажу ему, что я не ущербна.

Я твердила это себе снова и снова, потому что только это и было важно.

Когда ключ в замке повернулся, я это даже не сразу заметила. Дверь располагалась почти в самом конце коридора на первом этаже, она была маленькая, ничем не примечательная – лак поблек, а по краям и вовсе облез. Медная ручка нагрелась от солнечного света. Я последний раз взглянула вверх-вниз по коридору и вошла внутрь. Дверь с тихим щелчком закрылась у меня за спиной.

Темнота – окон нет.

Конечно, надо было прихватить с собой лампу, но, пока я все планировала, у меня в голове вихрем пронеслось столько вариантов, что именно этот я упустила.

В моем воображении сразу возникли самые разные твари, притаившиеся в темноте. Я даже представила, что сама Илит ждет, когда я сделаю еще шаг, чтобы напасть на меня. Я сглотнула и постаралась дышать спокойнее. Глаза постепенно привыкли к темноте. В щель под дверью проникал слабый свет, и я смогла разглядеть висящую на перемычке над двер-

ным проемом лампы, а под ней – трут.

Я зажгла лампу трясущимися то ли от страха, то ли от перевозбуждения пальцами, а когда подняла ее повыше, оказалось, что все стены в комнате составлены из картотечных ящичков и никакие твари меня там не поджидают.

Ящички были маленькими, в таких хранят кольца или серьги, и все они были помечены. На нескольких ящичках справа от меня были приклеены бумажные ярлыки с написанными от руки буквами и цифрами. Я пошла к ним. Под ногами закрипели половицы. Пригляделась. Почерк Баяна.

A-122 – Умершие

8-B-4 – Живые

720-H – Живые

Я почувствовала единение со всеми этими людьми, умершими и живыми, и сжала кулаки. Но когда увидела ящички с наклейками «Тхай-порт – Голова Оленя – 1510 год», ужас острыми когтями вцепился мне в горло.

Я знала, что обнаружу в ящичке, когда его выдвину, но все равно сделала это.

Маленькие белые осколки кости на бархатных подушечках. Белые на красном. Такими их вырезали у людей.

И Баян бывал в этой комнате. Он тестировал осколки с острова Голова Оленя, сверялся – кто из людей, у которых вырезали эти осколки, еще жив, а кто уже умер и, значит, непригоден для усиления конструкций. Осколки умерших бесполезны.

Новость о случившемся с островом пришла пять дней назад, а мой отец занимался вот этим?

Какими бы сложными ни были конструкции первого уровня, они не могли править Империей. Империи нужен мой отец, а он занимался тем, что составлял каталог останков погибших и прикидывал, чьи осколки еще можно использовать.

Я резко задвинула ящик. Не знаю, когда я начала понимать, что правление отца постепенно ведет к краху. Возможно, еще до того, как заболела. Но я хорошо помню такую картину: отец трясущимися руками перелистывает торговое соглашение. Щурится, перечитывая страницы. Он зол и разочарован. Швыряет соглашение конструкции Главный Торговец и командует: «Пересмотреть». После этого удаляется и запирается в одной из своих секретных комнат.

Дух отца, может, и был достаточно силен, чтобы управлять десятком конструкций, но тело его ослабевало.

Я подняла лампу и пошла вдоль стен картотеки, пока не наткнулась на ящик с ярлыком «Императорский», который был датирован 1508 годом. Все осколки в этом ящике были помечены буквами и цифрами.

Где-то должен быть каталог, но где? Ящики тянулись чуть ли не до самого потолка. Вдоль стен через равные промежутки стояли стремянки. Но первые ряды начинались от самого пола. Я опустила на колени. Оказалось, что нижние ящики гораздо длиннее и выше верхних.

Я поставила лампу на пол и выдвинула один ящик.

Там лежала книга в обложке из чешуйчатой кожи то ли зеленого, то ли голубого цвета – при тусклом свете было не разглядеть. Я смахнула ладонью несуществующую пыль и открыла книгу. Пожелтевшие страницы пахли чернилами и клеем. Так много страниц, так много имен. Сколько бы раз я ни сталкивалась с самыми разными свидетельствами, меня всегда поражало то, насколько древней была Империя Феникса. Я могла проследить свою родословную до самых ее истоков, до людей, которые сражались с Алангой и одолели ее.

Ближе к концу страницы стали хрустящими и даже ломкими от старости. Я нашла 1508 год, а потом выведенное аккуратным почерком чиновника имя – *Нумин. 03-М-4*. Я закрыла книгу и положила обратно так, чтобы не было заметно, что ее кто-то трогал. А потом стала искать 03-М-4.

В ящике на месте осколка Нумина было пусто. Меня с головой накрыла волна облегчения, а потом стало стыдно от того, что почувствовала облегчение. Под ярлыком была какая-то надпись очень мелкими буквами. Я подняла лампу над ящиком и прищурилась. «*Б – для опытов*». Баян. Он использовал осколок Нумина в своих опытах с конструкциями.

Использование в опытах лучше, чем постоянное присутствие в конструкциях моего отца. Получалось, что нужный мне осколок в комнате Баяна. Учитывая то, как аккуратно он вел свои записи, незаметно украсть осколок не получится.

Как только обнаружится пропажа, Баян доложит отцу, и мне придется выкручиваться. Как-то два года назад я проникла в комнату Баяна, просто из вредности, так он в точности перечислил все предметы, которые я брала в руки или сдвинула с места. После того случая он даже ставни стал запиравать. Я проверяла. А если у отца имелся ключ от комнаты Баяна, то я не знала, который из связки.

Нумин мог и не знать, что его осколок используется, но это до поры до времени. Постепенно он начнет это ощущать по утрам и поздно ночью: слабость в руках и ногах, непривычное переутомление и ощущение, будто плечи превратились в мокрое шерстяное одеяло. Усталость станет его постоянной спутницей, и в конце концов он умрет непонятно от какой болезни и совсем не старым.

Но конструкции обеспечивали нашу общую безопасность. Их было великое множество – целая армия. Отец постоянно говорил, что наступит день, когда Аланга вернется и попытается отвоевать Империю. В Аланге все обладали силой, но их правители были сильнейшими среди сильных. Когда один правитель острова бился с другим, от столкновения их магии гибло множество невинных людей. Ураганы и огромные волны ровняли с землей целые города. Самый могущественный из них, Дион, мог утопить город и при этом спасти всех летающих тварей, но большинство из Аланги не были способны контролировать магию на таком уровне.

Что этой силе могли противопоставить простые смерт-

ные?

Я повертела в пальцах очередной осколок, на нем тоже были написаны цифры и буквы. Мои предки обнаружили слабое место Аланги, нашли способ их уничтожить, а отец до сих пор не посвятил меня в эту тайну. Я даже не была уверена в том, что его действительно волнует процветание Империи.

Нам нужен император, который о нас позаботится. Я бы позаботилась. Но я не смогу вернуть осколок Нумину – меня наверняка поймают.

Я задвинула полку. У меня было такое чувство, будто я прячу свой стыд.

Лампа покачивалась у меня в руке. Я резко развернулась. Комната большая, столько надо осмотреть! В своих поисках я могу найти что-то еще, кроме осколков и каталогов. Я прошла к другому ряду ящиков и проверила несколько наугад – одни осколки.

Самая дальняя стена комнаты была свободна от ящиков. Я приложила ладонь к оштукатуренной стене и попробовала представить, что может за ней скрываться. На фоне стены в углу вырисовывалось темное пятно. Еще одна дверь. Я быстро, чуть ли не бегом устремилась к ней.

Прохладная медная ручка. Замочную скважину под ней я не сразу заметила. Подергала. Конечно, заперто. Отступила на шаг и вытащила из кармана ключ. Ключ легко вошел в замочную скважину, но не проворачивался. Я толкала дверь,

тянула ее на себя, дергала ключ в замке, хотя понимала, что он не подходит. Только не с моим отцом. Он просто не мог допустить, чтобы что-то далось мне легко, без усилий. Я раздраженно выдернула ключ из замка. Стены с ящиками эхом отражали мое громкое дыхание.

Дверь. Я сосредоточилась на замке и совсем не обратила внимания на саму дверь. У меня почему-то сжалось сердце, даже дышать стало тяжело. К двери были прикреплены две бронзовые панели, на панелях выгравирован дымчатый можжевельник – корни в основании, ветки заполняют всю верхнюю часть.

Но меня потрясла не красота гравировки, хоть она и была по-настоящему прекрасной. Я не видела эту дверь раньше, не в эти пять лет, что прошли после болезни, но она была мне знакома, знакома до мелочей, как язык знает все зубы во рту. Я ухватилась за это ощущение, за запах, попыталась представить эту дверь освещенной множеством ламп. Ничего не вышло, не за что было зацепиться, все растворялось, как дым на ветру.

Я бывала здесь раньше.

9

Йовис

Небольшой остров к востоку от Головы Оленя

Если надо коротко описать Иоф Карн, достаточно сказать, что у них мертвая хватка. Я уже был в своей лодке – паруса подняты, тросы закреплены, и тут появилась Филин со своими людьми. Они бежали напрямиком к пристаням.

Мне показалось, что Филин крикнула: «Стой!»

Зря только дыхание сбила. Кто остановится, когда за ним гонятся? Она только что меня отдубасила и теперь ждет, что я развернусь на ее вежливую просьбу? Нет уж.

Я среагировал, как любой в такой ситуации, – поднажал. Мэфи радостно щебетал, а я бегал из одного конца лодки в другой, пытаюсь наполнить ветром паруса и направить корму в нужную сторону. Гавань на этом острове была маленькой, в нее только-только могла пройти императорская каравелла. О волнорезы я бока бы не ободрал, но пространства для маневра было гораздо меньше, чем в гавани на Голове Оленя.

Я подошел к румпелю, а Мэфи уселся у моих ног.

– Вон те люди – плохие. – Я указал на бегущих к пристаням людей Иоф Карн.

Мэфи наклонил голову набок и посмотрел мне в глаза. Ну вот, я снова это делаю – разговариваю со зверушкой. Нервы, наверное, расшалились. Я всегда слишком много говорил везде и со всеми, не болтал без умолку разве у себя дома в кухне или когда плыл в Бескрайнем море. Эмала вообще не воспринимала меня всерьез, пока не увидела, как я молчу.

Филин, вместо того чтобы бежать к тому кораблю, на котором они прибыли на остров, подгоняла своих громил к шлюпке. Они быстро отчалили и налегли на весла.

Руки у них были мощными, как мачты, и жилистыми, как просоленные в морской воде канаты. Я посмотрел на свои жалкие конечности, потом на паруса, которые уже надулись, но еще не несли меня по воде. Хороший ветер можно было поймать, только выйдя из гавани. Но у меня еще оставалась горстка умных камней. Я еще мог уйти от Филин.

– Не мешайся под ногами, – сказал я Мэфи и тряхнул головой.

Опять говорю со зверьком. Да какая разница с кем, если мне от этого легче? А мне легче: когда разговариваю, мне кажется, что я контролирую ситуацию.

Я поднял люк, а потом и незакрепленную доску, пошарил внизу рукой. Ничего, только гладкие доски. Голова пошла кругом, как у пьяного, во рту появился привкус желчи. Ум-

ные камни исчезли. Я снова пошарил рукой – вдруг ночью волна ударила о борт и камни закатились в угол? Пошарил в третий раз. Голову словно хлопком набили.

Камни не могли просто взять и исчезнуть.

Что-то холодное прикоснулось к моей руке. Я приподнялся – Мэфи смотрел на меня, сцепив лапки, как какая-нибудь взволнованная тетушка. Я взглянул ему за спину: люди Иоф Карн уже на подходе.

Я не мог управлять ветром и волнами. Все, что у меня было, – это гарпун, с помощью которого я иногда ловил рыбу. Так себе оружие, но я все равно его схватил, потом направил лодку в сторону выхода из гавани и встал у левого борта с гарпуном на изготовку. Каждый вдох отдавался болью в ребрах. Я ждал.

Лицо Филин не предвещало ничего хорошего, как и дубинка у нее в руке. Второго шанса она мне не даст.

Сердце билось о ребра громко, но, что странно для такой ситуации, ровно. Ладони стали скользкими от пота. Шлюпка приближалась. Я хорошо видел разбухшие вены на руках громил и жилы на руке Филин, в которой она крепко сжимала дубинку.

Шлюпка ударилась о мою лодку. Одновременно с ударом Филин ухватилась одной рукой за борт, а второй схватила мой гарпун, которым я пытался оттолкнуть ее назад, и потянула на себя, чтобы с его помощью забраться в лодку. Я с трудом сохранил равновесие, выпрямился, и Филин, вос-

пользовавшись моментом, саданула меня по многострадальным ребрам.

От боли перехватило дыхание, я с шипением сделал вдох и постарался сфокусироваться на чем-нибудь еще. Гарпун. Филин его схватила, но и я еще не выпустил его из рук. Я сделал резкое движение вперед в надежде, что Филин потеряет равновесие и упадет за борт.

Филин только недовольно скривилась.

Надо было как можно скорее сбросить ее в воду. Я запаниковал: мне нельзя к Кафре, только не сейчас. В этот момент я бы с любым демоном сделку заключил, ударил бы по рукам с сильнейшим из Аланги.

Филин улыбнулась, словно исходившее от меня отчаяние было для нее слаще любых благоволий, и свободной рукой вытащила из-за пояса нож. Судя по ее взгляду, она собиралась нанести удар в глаз.

У меня из-под ног на Филин бросился коричневый шар. Выражение ее лица мгновенно изменилось.

– Вот дерьмо! – выругалась она сквозь зубы и, выронив нож, отшатнулась назад.

Мэфи вцепился зубами ей в щиколотку и глухо зарычал, а Филин резко дернула ногой, пытаясь отбросить его от себя. Я помнил, какие острые у Мэфи зубы, – видел, как он разгрызал ими рыбину. Зверек причинял Филин боль, но удерживать ее долго он бы не смог. Проклятая женщина все еще крепко держалась за конец гарпуна и была гораздо сильнее

меня.

А потом внутри меня что-то шевельнулось, как будто ключ с тихим щелчком плавно провернулся в замке. Я вздрогнул, в ушах загудело.

Филин ногой отбросила Мэфи в сторону. Я сделал еще один глубокий вдох, ребра ответили болью, воздух наполнил легкие и начал распространяться по всему телу, по рукам и ногам, вселяя в меня новую силу. Сначала я почувствовал ее в костях, это было похоже на легкую вибрацию, потом в ногах – они стали крепкими, как угловые столбы дома. Сила поднялась наверх к спине и рукам, и в следующее мгновение я уже не видел в Филин соперницу. Да, она все еще стояла напротив меня, но по ощущениям это было похоже на рестлинг с ребенком. Я для пробы приподнял гарпун, и ноги Филин едва не оторвались от палубы.

На лице Филин мелькнуло новое выражение. Думаю, когда я обнаружил пропажу умных камней, у меня была такая же физиономия. А потом я, даже особо не задумываясь, легко выбросил Филин вместе с гарпуном в воду, как раз перед волнорезами.

Сила покинула меня так же быстро, как и появилась. Я рухнул на палубу, у меня срывалось дыхание, я сидел, глядя на паруса, а лодка тем временем выходила из гавани в Бескрайнее море.

Мэфи подобрался ко мне и положил лапы на колени. Его усатая мордочка была серьезной, шерсть на подбородке ис-

пачкана в крови.

– Плохо, – пропищал он и похлопал меня по ноге.

– Плохо.

Я мог выдержать побои людей Иоф Карн. Уходить от погони и потерять последнюю горсть умных камней тоже было мне под силу.

Но это?

* * *

Вскоре я отключился, а очнувшись, услышал плеск волн о борт лодки. Цвета и разные детали появлялись постепенно, как акварельная краска на мокрой бумаге. Сначала солнце. Яркое. Высоко в небе. Потом ветер, раздувающий паруса.

Я прищурился.

Мэфи стоял на носу, подставив усатую мордочку ветру. Услышав, что я проснулся, он радостно защебетал, подбежал ко мне и принялся гладить по волосам, будто блох искал.

Я отмахнулся и сел. Тело затекло и болело так, словно мной долго играли волны, а потом им надоело и они грубо вышвырнули меня на берег. С ушибами и ссадинами вечно так, перед заживлением всегда болят особенно сильно.

Иоф Карн.

Я резко выпрямился. Кинжальная боль пронзила все тело. Остров еще был виден, но быстро уменьшался в размерах. Меня никто не преследовал, по крайней мере пока. Ведь им

надо было выудить из воды Филин и подготовиться к выходу в море. Их корабль был медленнее моей лодки, но кто знал, сколько умных камней они готовы потратить на погоню за мной?

Ветер трепал по голове и сбрасывал волосы на глаза. Я убрал их за уши и быстро осмотрел тросы и паруса. Потом еще разок, просто для уверенности, сверился с картами. Мы шли в правильном направлении, ветер был попутным, так что заняться было нечем – только сидеть и ждать.

Наставники в Академии любили повторять, что терпение – это первое, чему они учат своих курсантов. Это так, но не в моем случае. Родители знали, с чем мне придется столкнуться, и пытались предупредить об этом, пока я собирал сумки перед отъездом на Императорский остров.

– Они тебя не примут, – спокойным голосом сказал отец, – потому что не увидят в тебе своего.

Я закатил глаза и стащил книги с полки.

– Знаю, они будут спрашивать – говорю ли я с древними или правда ли, что мое имя у пойеров означает «снежная вершина»?

Мама решительно встала между мной и моими сумками и сердито на меня посмотрела:

– Мы стараемся сказать тебе кое-что очень важное! Анау маленький, здесь тебя все знают. На Императорском тебя не знают. Они будут думать, что знают, но это не так.

Я вздохнул, как вздыхают все молодые, которые считают,

что знают об этой жизни больше родителей.

– Я наполовину пойер, наполовину империанец, об этом вы хотите мне на прощанье напомнить?

Родители переглянулись. Лицо у мамы было измученное, она взглядом умоляла отца объяснить все сыну. Если бы у меня было чуть побольше мозгов, до меня бы дошло, что я упускаю их главную мысль.

– Йовис, – сказал отец, – мы хотим напомнить тебе, что ты и пойер, и империанец. И что бы они там ни говорили, это не сделает тебя хуже или ниже их.

Я кивнул и поблагодарил родителей, хотя так ничего и не понял. Я ведь прошел вступительные испытания, что еще надо? Но когда я прибыл в Академию, наставники сразу указали мне на мое место зачатого в распутстве полукровки. Первым, что я усвоил в Академии, было то, что моя жизнь императорского мореплавателя будет очень и очень одинокой.

Я сидел у румпеля и разглядывал своего нового компаньона. Похоже, он всеми силами хотел меня убедить в том, что одиночество мне больше не грозит. Может, я сумел бы уклониться от летящего мне в глаз ножа Филин. А может, нет. Получалось, что я спас Мэфи из воды, а он спас меня от малоприятной и некрасивой смерти.

– Так кто же ты такой? – спросил я.

Но Мэфи просто сидел на задних лапах и чесал передней возле маленького уха. Он морщился, словно искал какое-то определенное место у себя на голове. Мэфи действительно

был очень похож на морскую выдру, только пальцы у него были подлиннее, уши не круглые, а треугольные, и мордочка скорее заостренная, чем притупленная, из-за чего я сначала и принял его за котенка. И по размерам он был как котенок, но туловище было длиннее, поэтому он мог легко дотянуться мне до коленей.

Понаблюдав какое-то время за стараниями Мэфи, я вздохнул и протянул руку, чтобы помочь чесаться. Он, обрадовавшись, подался ко мне навстречу. Шерсть у него была грубая, а вот подшерсток нежный, как пух.

Я потер его по голове большим пальцем и сразу нащупал возле каждого уха по небольшому твердому бугорку. Рога прорезаются? Мне трудно было представить морское существо с шерстью и рогами одновременно.

– Полагаю, ты не станешь рассказывать мне, кто ты и что ты? – спросил я и почувствовал себя идиотом.

Мэфи только приоткрыл рот и заурчал от удовольствия. Он говорил со мной до этого или я все это нафантазировал? Я был перевозбужден, меня избили, я еле сбежал, а потом еще раз чудом спасся. Да, я частенько врал другим и порой самому себе, но мне не верилось, что наши разговоры с Мэфи были игрой моего воображения.

– Есть такие птицы – попугаи, – сказал я. – Они обитают на нескольких островах. Некоторые люди держат их у себя как домашних питомцев, так вот, они умеют говорить, как люди.

Когда я перестал гладить Мэфи, он постучал лапой по моему колену, я сдался и почесал его щеку.

– Это ты делаешь? Просто повторяешь то, что слышишь?

Мэфи присел и, прежде чем я успел что-то предпринять, запрыгнул ко мне на колени и улегся, как будто это было его законным местом. Я не двинулся и, опасаясь, что он может меня цапнуть, даже дыхание затаил. Мэфи ничего такого делать не стал, и я погладил его по теплой спинке. Он с урчанием вздохнул и положил голову между лап.

Однажды дома я нырял на дно небольшой бухты среди скал, просто чтобы проверить, сколько смогу продержаться без воздуха. И вот, когда казалось, что легкие вот-вот разорвутся, и даже брат начал от беспокойства стучать ладонью по воде, я оттолкнулся от дна и быстро поплыл к поверхности. И сейчас я испытывал что-то подобное – мое сердце словно расправилось, как парус, и устремилось в какие-то прекрасные края.

На горизонте появилась лодка – темный силуэт на фоне воды. Ветер усилился, и моя лодка помчалась вперед, подпрыгивая на волнах. Мэфи не шевелился. Вот бы и мне научиться так быстро и легко засыпать. Лодка на горизонте не принадлежала Йоф Карн и не была императорским кораблем. И что странно, у нее не было парусов. В Империи еще оставались гребные шлюпки, но даже на них были паруса.

Когда расстояние между нами сократилось, я понял, что у этой лодки есть паруса, просто они синие, как небо.

Поняв это, я тут же вскочил на ноги, а Мэфи, естественно, соскользнул на палубу. Отец Алона видел, как такая же лодка уходила на восток, но она могла встать на якорь далеко от берега или возвращаться на остров из-за каких-то незавершенных дел. Как бы то ни было, она не уплыла день назад с острова, она была прямо передо мной.

Я проверил паруса. В трюме у меня было только две коробки с дынями, так что я летел налегке. Я их догонял, но то ли они меня не заметили, то ли им было все равно. Перебравшись на нос, я напряженно прищурился и только потом вспомнил, что у меня есть подозрительная труба. В голове словно осы жужжали, мысли сталкивались и разбегались.

Я достал из-под лавки подозрительную трубу и раздвинул ее на всю длину. Лодка раскачивалась на волнах, руки тряслись, так что я не с первого раза смог установить ее напротив глаза. Теперь картинка стала четкой. Ветер раздувал синие паруса черной лодки, на корме стояла одинокая фигура в черном плаще с капюшоном. Впервые я увидел эту лодку в то утро, когда исчезла Эмала. Поначалу, когда все не знали, что и думать, одна из моих тетушек предположила, что Эмала могла утонуть, а я, хоть в это и не поверил, все равно пошел к морю. Над берегом висел низкий туман, видимости почти никакой. Я подошел к самому краю, холодная вода просочилась в башмаки.

В тумане что-то двигалось. Сначала я подумал, что это волны или просто клубы тумана, но потом увидел синее пят-

но. Синий парус. Я моргнул, и парус исчез. В тот момент даже песчаный берег не казался надежной опорой, и как я мог быть уверен, что парус мне не привиделся? Я уже начал по ней тосковать, мое сердце знало то, чего не понимал рассудок.

А через пять лет я увидел эту лодку во второй раз.

Пять потерянных лет. Я расплачивался за свою лодку. Мне требовалась большая лодка, больше отцовской рыбацкой, такая, чтобы плавать с одного острова на другой и не опрокинуться в первый же шторм. Иоф Карн были единственными, с кем я мог расплачиваться, работая на них. У меня не осталось выбора.

В годовщину смерти моего брата Оню я остановился на островке к востоку от Императорского и на отвесном утесе сжег в память о нем веточку дымчатого можжевельника. День был солнечный, небо ясное. Там я и увидел ее во второй раз. Черная лодка под синими парусами. И одинокая фигура на корме.

А теперь я стоял на носу своего суденышка, смотрел на черную лодку с синими парусами и представлял, как прыгну на ее борт и схвачу человека в плаще. Как стану трясти его. Стану спрашивать, что они сделали с моей Эмалой, куда они ее дели и где она была все эти годы. Я все еще чувствовал тяжесть ее головы на своем плече, видел ямочки у нее на щеках, когда она улыбается, чувствовал ее теплую руку в своей. Она всегда меня понимала, даже когда я не мог найти

нужных слов. Но все воспоминания, как бы отчаянно я за них ни цеплялся, постепенно тускнели и растворялись, как соль в морской воде. Я горевал по Эмале, и хуже всего было не то, что я начинал понимать, что она, скорее всего, умерла, а осознание того, что новый опыт и новые воспоминания постепенно будут наслаиваться друг на друга и расстояние между нами будет только увеличиваться.

То, как мы рыбачили на берегу, как я в первый раз ее поцеловал, как мы вместе мечтали. Теперь я превратился в хранителя воспоминаний, и это было истинным одиночеством. Мне о стольком хотелось ей рассказать, я стольким не успел с ней поделиться.

Человек на корме повернулся в мою сторону. На секунду мне показалось, что он встретился со мной взглядом. А потом он подошел к парусам, и в следующее мгновение я заметил легкий белый дымок. Дым от горящего умного камня.

Одним резким движением я сложил подозрную трубу. Умных камней у меня не осталось, но моя лодка была быстрой. У меня еще сохранялся шанс, все зависело от того, сколько на той лодке умных камней. У меня хватило воображения, чтобы представить, как я беру на abordаж черную лодку, но, когда я окинул взглядом свою лодку, до меня внезапно дошло, что для воплощения своих фантазий у меня нет никакого оружия. Даже единственный гарпун еще в гавани улетел за борт вместе с Филин. Да еще тело постоянно напоминало, что я не в лучшей форме для таких авантур.

– Но мы что-нибудь придурачим, да?

Разговоры с Мэфи, похоже, начали входить у меня в привычку. Я прошелся вдоль лодки, а он чуть ли не на пятки мне наступал. Да, на борту имелась дубинка, которой я глушил выловленную рыбу, но оружием ее не назовешь. Правда, там, в гавани, во время схватки с Филин, у меня открылось что-то вроде второго дыхания. Может, и третье в нужный момент откроется?

Но все это не имело значения. Главное, на той лодке ждали тайны, за которыми я гонялся, и пусть бы меня хоть каждый день избивали люди Иоф Карн, я не собирался упускать свой шанс. Я стоял на носу лодки с дубинкой в руке и надеялся, что вид у меня не жалкий, а вполне устрашающий.

В этот момент черная лодка начала удаляться. У меня было такое чувство, будто я снова оказался на берегу в утро исчезновения Эмалы и понимал: что бы я ни сделал, все бесполезно. Я так сильно сжал дубинку в руке, что под ногти начали впиваться занозы.

– Я не могу... не могу продолжать это...

Даже не знаю, что я хотел этим сказать.

Мэфи заурчал у меня под ногами, встал на задние лапы и похлопал меня по колену, а потом, я еще вниз посмотреть не успел, подбежал к парусу и забрался по ножке жаровни внутрь. Его мех тут же перепачкался в пепле.

– У меня не осталось умных камней, – сказал я. – Все сжег. Но Мэфи и не собирался искать камни. Он сидел в жаров-

не мордочкой к парусу и дышал. Из его рта появился дым, такой же легкий, как от умных камней. С дымом пришел ветер. Ветер набрал силу, наполнил парус, и моя лодка рванулась вперед.

– Мэфи! Мэфисоло! – У меня голова пошла кругом. – Кто ты? Что ты делаешь?

Я не понимал, что говорю. Это сон? Если да, то когда я заснул? Прежде чем я успел задать следующий вопрос, Мэфи снова сделал глубокий вдох и выдохнул, и снова у него изо рта появился белый дымок и ветер наполнил парус.

Черная лодка еще не исчезла за горизонтом, мы летели за ней по волнам как на крыльях. Я снова посмотрел в подзорную трубу. Это могло быть игрой моего воображения, но я увидел еще больше направленного в синие паруса дыма.

Сколько же у них умных камней?

На лодке не было никаких символов Империи, а даже контрабандисты и воры не способны завладеть большим количеством умных камней. Мне это удалось лишь однажды, путем хитроумных манипуляций с императорскими конструкциями и солдатами. Да какая разница? Я бы со своей маленькой дубинкой ринулся в бой со всей Империей, только бы вернуть мою Эмалу.

Ветер и брызги хлестали в лицо, я стоял на самом носу лодки, изготовившись, как только мы приблизимся, броситься на абордаж.

Расстояние между мной и черной лодкой под синими па-

русами снова начало увеличиваться. Ветер, бивший мне в лицо, ослаб. Нет. Только не сейчас. Я несколько лет не видел эту лодку и теперь был так близок к разгадке самых важных тайн. Мы замедлились, а черная лодка набирала скорость. Я оглянулся. Мэфи сидел в жаровне и с хрипом делал слабые выдохи в сторону паруса.

– Мы не должны сдаваться! – закричал я, и мне было плевать, что Мэфи – зверек. Он мог не понимать значения моих слов, но должен был понять интонацию. – Мы еще можем их догнать!

Мы были так близко. Я был как умирающий от голода человек, которому к самым губам поднесли ложку с медом.

Мэфи снова выдохнул, паруса наполнились ветром, и лодка дернулась вперед. Мэфи сгорбился в жаровне, его подрагивающие усы были все в пепле.

– Плохо, – прохрипел он.

Шок, который я испытал, услышав его голос, отличался от первого такого случая. Я мог бы наплевать на маленькое существо, которое вытащил из воды. Мог забыть об Алоне и всех других детях, которые остались позади. Но что, если Эмала прямо сейчас находится на той лодке? В глубине души я понимал, что такого не может быть. Ведь столько лет прошло! Но в мыслях я все еще стоял на том берегу в утро, когда исчезла Эмала, и надеялся, что каким-то чудом все снова станет хорошо. И отчаянно рвался догнать черную лодку под синими парусами.

Мэфи сделал еще один судорожный вдох и выдох. Он не мог встать на лапы и так и сидел сторбившись в жаровне, будто раненный в живот. Я вспомнил, как он, вздохнув, положил голову мне на колени и заснул. Это было выражением абсолютного доверия. Вспомнил, как он бросился на Филин, выиграв для меня жизненно необходимое время. Чувство вины и отчаяние сплелись в моей груди в тугой узел. Сколько еще вдохов и выдохов потребуется сделать Мэфи, прежде чем мы сможем нагнать черную лодку? Слишком много. Он умрет до того, как мы ее догоним.

Я это понимал. Я знал это! И все равно я хотел хотя бы попробовать.

Слишком много я обманывал сам себя, нанизывал одну ложь на другую.

– Прекращай, – скомандовал я.

Я сказал это тихо, но Мэфи услышал и повалился на дно жаровни. Он не растратил все свое дыхание. Паруса обвисли, волны лизали борта лодки.

А черная лодка под синими парусами, на которую я так отчаянно хотел попасть, скрылась за горизонтом.

10

Лин

Императорский остров

Темная, скользкая после прошедшего днем дождя брусчатка блестела в свете ламп. Теперь я знала маршрут и порядок действий. Все просто: подождать, пока отец закончит расспрашивать меня в комнате вопросов и удалится пить чай, потом пробраться в его комнату и взять какой-нибудь ключ. Отец уделял мне время не каждый вечер, поэтому мне пока что удалось выкрасть всего два ключа.

Да, все просто, но для меня это важно, потому что, когда я верну копию, у меня будет на два ключа больше, чем у Баяна.

Редкие прохожие на улицах переговаривались с мелодичным акцентом жителей Императорского острова, поглядывали на меня – я не успела сменить вышитую шелковую тунику на что-то попроще, – но потом возвращались к своим делам.

Отец редко позволял мне покидать дворец без сопровож-

дения, так что вряд ли кто-то на улице мог знать меня в лицо. Было два раза, когда слуги носили меня в город в паланкине. Тогда я протягивала им из-за занавески монеты, чтобы они передали их торговцам, но моя нога никогда не ступала на улицы города, и я никогда не вдыхала его воздух.

По пути к Нумину я заглядывала в закрывающиеся лавки. Хозяева протирали тряпками прилавки и убирали товар в буфеты и ящики. Рулоны ткани с выбившимися концами в портняжной мастерской напоминали водопады самых разных цветов и оттенков. Дальше окруженная запахом дрожжей пекарня, после пекарни – трактир. В трактире за столиками в углах еще сидели посетители, на улицу долетали их приглушенные голоса и звон сдвигаемых кружек, а из дверей выползал дым от трубочного табака. И запах из трактира исходил такой, как будто там на половицах никогда не просыхали лужи. Мне хотелось войти, заказать кружку вина, устроиться за столом между этих людей, послушать их разговоры, приглядеться к ним. О чем мне могли рассказать их лица?

Но в кармане у меня на поясе лежал тяжелый ключ, надо было торопиться: отец мог вернуться в свою комнату и понять, что я сделала. Не сбавляя шага, я прошла к кузнице и проскользнула внутрь.

Звякнул колокольчик на дверной ручке, кузнец оторвался от работы и что-то тихо пробурчал себе под нос. Не то чтобы он был доволен или недоволен... скорее, чувствовал, что

надо быть настороже.

– У меня еще один. – Я вытащила ключ из кармана на поясе.

Нумин, немного помедлив и не вставая с табурета, протянул руку. Я положила ключ ему на ладонь. Он, не сказав ни слова, осмотрел его и начал выдвигать ящики.

– Цена та же, как за последний.

Нумин уже знал, кто я, и мог запросить больше, а я могла больше заплатить.

Я положила на прилавок две монеты и понаблюдала за тем, как он делает слепки ключа. Вид у него был недовольный.

Нумин вернул мне ключ и, не отрываясь от работы, спросил:

– Ты нашла мой осколок?

Он задал вопрос вроде как безразлично, но при этом облизал пересохшие губы и плечи у него заметно напряглись. Нумин и в прошлый раз об этом спрашивал, но сейчас я поймала себя на том, что боялась услышать этот вопрос. Боялась, потому что знала, где его осколок, но не могла его добыть без риска для себя.

– Нет, – не задумываясь, соврала я, и мне тут же стало тошно. – Во дворце много запертых дверей, и я не знаю, где нужная комната. Но я ее найду, и, надеюсь, очень скоро.

Я взяла такой же невозмутимый тон, как и Нумин, как будто мне все равно.

Ему было не все равно.

И мне тоже. Хотя как иначе? Отец всегда говорил, что я должна полагаться только на себя и ни на кого больше. Но я полагалась на Нумина, и он выполнил свою часть нашего договора.

У Нумина на лбу выступили капельки пота, в них отражался оранжевый свет лампы. На полке у него за спиной стояли разные безделушки – вырезанная из дерева фигурка обезьяны, букетик засохших цветов, какие-то благовония и треснутая керамическая кружка. Мне стало интересно, что все они по отдельности для него значат.

– Сколько у вас детей? – спросила я.

Не стоило спрашивать, но это как с трактиром по дороге в кузницу – мир кузнеца был для меня чужим и в то же время затягивал, как воронка.

Морщины на лбу Нумина разгладились.

– Трое: сын и две дочери. – Крупный широкоплечий мужчина, который был так суров со мной в нашу первую встречу, прямо у меня на глазах превращался из камня в песок. – Они еще слишком малы, чтобы помогать мне, но им прям не терпится. Старший особенно рвется.

И он рассмеялся, по-доброму так, мне даже тепло на душе стало.

– Вы, наверное, очень их любите.

А мой отец? Он когда-нибудь упоминал обо мне с такой теплотой? Или горевал о моих потерянных воспоминаниях и

говорил всем, что теперь может меня, беспамятную, изгнать? Я попыталась представить, как отец вдруг с теплотой заговорил обо мне, но у меня ничего не получилось.

Как только я произнесла последнюю фразу, голос Нумина изменился. Я поняла, что он мог воспринять мои слова как угрозу, но было уже поздно.

Нумин резко открыл очередной ящик, порылся в нем и холодно сказал:

– Вот ключ, который ты принесла в прошлый раз. А этот сделаю через день-два.

Он положил изготовленный ключ и тот, с которого сделал слепок, на прилавок, забрал две монеты и отвернулся.

Стало ясно, что разговор окончен. Я спрятала оба ключа в карман и вышла.

Тапки промокли, пока я бежала к дворцу по мокрой брусчатке. Пока забиралась по стене, под ногти забились штукатурка, а когда я добралась до комнаты отца и на цыпочках вошла внутрь, чтобы положить ключ на место, пот струился у меня между лопаток. На этот раз Бинг Тай только тихо заворчал.

Встречи с отцом я не жаждала, так что задерживаться не стала и вернулась в свою комнату, которая по сравнению с комнатой отца была тесной, как чулан. Пусть так, но зато в ней я чувствовала себя в полной безопасности – стены словно обнимали меня со всех сторон, и не было никаких неизведанных или потаенных уголков. Закрыв за собой дверь, я

выдохнула, скинула мокрые грязные тапки и достала из-под кровати чистые.

Отец и Баян оба не ложились спать допоздна. Надо было подождать, поэтому я села, поджав под себя ноги, и последовала совету Баяна – стала медитировать.

Каким бы волшебным образом ни воздействовала эта практика на Баяна, со мной это не работало. Я не могла отрешиться от мыслей о Нумине – постоянно вспоминала, как он хмурился или как смеялся, когда рассказывал о своих делах. Медитируя, я смогла расслабиться, но никаких откровений это состояние мне не принесло. Я сосредоточилась на собственном дыхании и ждала, а когда ночь стала по-настоящему тихой, вышла из комнаты в спящий дворец.

Лампу решила не зажигать – лунный свет просачивался через ставни, и этого было достаточно, чтобы не врезаться лбом в стену, да и коридоры дворца были мне хорошо знакомы.

Первым делом на всякий случай подошла к комнате Баяна. Если отца при желании можно было назвать рабом привычки, то Баян был таким неугомонным призраком: не угадаешь, когда он появится и в каком настроении. Остановившись у двери, я замерла и прислушалась. Дыхание Баяна было ровным, как накатывающие на берег волны.

Потом вернулась в комнату осколков и попробовала открыть новым ключом дверь с дымчатым можжевельником. Ключ застрял, я и наполовину его вставить в замок не успе-

ла. Не подходит. Я шла от двери к двери, мое дыхание отражали стены, шаги звучали, как шорох щетки из щетины. Поежилась, когда проходила мимо фрески с людьми Аланги. Ночью коридоры дворца казались больше, как будто темнота раздвигала их стены.

Десятая попытка оказалась удачной. Эта дверь была напротив комнаты вопросов. Внутри темно, хоть глаз выколи, даже намек на лунный свет не было. Лампу у дверного косяка я нашла на ощупь и разожгла не с первого раза, а когда в комнате стало светло, чуть не вскрикнула от восторга. Мне повезло – я оказалась в библиотеке.

Обстановка напоминала комнату осколков, только вместо ящичков вдоль стен тянулись заставленные книгами полки. И еще там были ковры на полу, мягкие кушетки между полками и окна высоко под потолком. Днем, когда солнечный свет падал на золотые буквы на корешках, там наверняка было очень уютно и красиво, а вот ночью возникало такое чувство, будто я забрела на полянку в чаще леса.

Я поставила лампу на приставной столик и начала просматривать книги. Большинство было по истории и философии, но потом я наткнулась на корешок с незнакомыми символами и сняла книгу с полки. В глубину она занимала всю полку до самой стены.

Я полистала широкие страницы. Там были символы – точно такие же отец вырезал на осколках костей, – а под ними написанные мелким аккуратным почерком пояснения. Но

почерк был не отцовский, наверное кого-то из его предков.

В большинстве своем это были простые команды – преследовать, поднять тревогу, атаковать, – но чем дальше я ли-стала, тем сложнее они становились. Некоторые комбиниро-вались из двух и образовывали новую. Команда «атаковать» превращалась в команду «атаковать, но не убивать». И еще там были опознавательные знаки. Я нашла один для одежды слуг, с припиской о том, что осколок должен располагаться поперек одежды.

Я сняла с полки еще несколько книг с символами на ко-решках. Некоторые были посвящены определенным темам, например созданию команд для Лазутчиков или Чиновни-ков. Была там и книга с командами для атак: символы по-дробно описывали каждую атаку, как и когда она должна быть проведена. У меня голова пошла кругом и даже глаза заболели, но не от плохого освещения. Если бы я выучила значение всех этих символов и узнала, когда их следует ис-пользовать, это было бы равносильно освоению нового язы-ка. По сути, это и был новый язык со своим алфавитом и си-стемой построения слов и фраз.

Возможно, Баян был не так уж глуп, просто ему надо было еще многому научиться.

Осматривая полки, я пыталась определить, смогу ли по-заимствовать какую-нибудь книгу хотя бы на день. Книга, естественно, не должна быть слишком большой. Ясное дело, Баян уже освоил начальные навыки, так что он вряд ли бы

заметил, если бы я взяла книгу с простейшими командами, а отец тем более.

Я поднималась на приставные лестницы и, освещая полки высоко поднятой лампой, изучала корешки.

По сравнению с медитацией этот процесс приносил намного больше удовольствия. Единственным источником звуков была я сама – шаркала по деревянным половицам, дышала, переворачивала высохшие страницы, с треском открывала книги в старинных переплетах. В комнате пахло старой бумагой и немного жженым маслом. Библиотечная лампа тонкой работы, во избежание малейшего контакта огня и сухой бумаги, была снабжена стеклянной колбой.

Ближе к задней стене комнаты на уровне третьей ступеньки лестницы я нашла то, что искала.

Это было что-то вроде книги, которую родители дают детям, чтобы те выучили буквы. Нарисованные символы были крупными, а пояснения под ними – короткими и простыми. Конструкцию высшего уровня, опираясь на такую информацию, не соорудишь, но даже самые высокие деревья вырастают из маленького семечка.

Я сунула книжку под мышку, и в этот момент у меня появилось странное необъяснимое чувство, будто я когда-то уже бывала здесь, причем не просто в библиотеке, а на третьей ступеньке лестницы в конце комнаты. Нет, на четвертой. Сама не понимая зачем, я поднялась еще на одну ступеньку и просунула руку за ряд книг.

Пальцы наткнулись на еще одну обложку. Мне бы следовало удивиться или предположить, что на полку пытались втиснуть побольше книг и одна случайно завалилась за остальные. Но нет, я знала: кто-то положил ее туда специально, желая спрятать от чужих глаз.

С подвешенной на локте лампой и книжкой под мышкой я сумела-таки ухватить спрятанную книгу. Маленькая, в зеленой обложке и без названия, она пахла, как старые книги, но страницы при этом были не желтые, а белые. Наверху страниц проставлены даты, а ниже – текст. Почерк размашистый и плавный. Эффект был такой, словно я увидела на улице девушку, которая в другой жизни могла бы быть моей сестрой. Этот почерк был мне знаком, как собственные ладони. Да, он был немного красивее моего, и слова никогда не теснились в конце строчки, как у меня, но это был мой почерк.

Это была моя книга, именно ее я должна была забрать с собой.

Я захлопнула книгу, чтобы удержаться на лестнице, и быстро спустилась вниз. От движений лампы по ковру танцевали тени. Спрыгнув с последней ступеньки, я почувствовала себя гораздо увереннее, но тут за спиной послышался звук скребущих по дереву когтей. Я резко развернулась, и сердце подпрыгнуло к самому горлу.

На полке сидел Лазутчик. Он наблюдал за мной, и у него нервно подрагивал хвост.

11

Ранами

Остров Нефилану

Ранами сидела в бамбуковом кресле, которое ей любезно предоставили похитители. У нее на коленях лежала книга, которую она перечитала уже три раза. Ранами сожалела, что до этого дошло. Она этого не хотела, но по ее виду трудно было догадаться.

Напротив нее, подперев голову рукой, сидел Джио – лидер Безосколочных. Его седые коротко подстриженные волосы были той же длины, что и щетина на подбородке. Джио разглядывал Ранами здоровым глазом, а она старалась не обращать внимания на тот, что был белым, как молоко.

– Ты уверена, что она придет? – спросил Джио.

– Она придет, – сказала Ранами.

Во всяком случае, она на это надеялась. Они снова поссорились. В последнее время такое часто случалось. В первые недели отношений все было словно напитано золотистой

дымкой и казалось ярче и лучше, чем в реальности. Но потом какие-то слова или поступки Фалу все чаще стали напоминать Ранамии об огромных различиях между ними. Фалу была милой, потому что ее мама была простой женщиной. Фалу жила во дворце, ела, когда была голодна, и ложилась спать, когда уставала. Она носила простую одежду не потому, что у нее не было другой, а потому, что ей не нравились шелка. У Фалу всегда имелся выбор, причем не из двух, а из сотен возможностей.

У Ранамии все было иначе.

– Мы поссорились, – призналась она Джио. – Но она всегда возвращается.

Фалу могла в запале наговорить колкостей и убежать, хлопнув дверью. Ранамии нравилось, что ее любимая такая страстная, хотя временами из-за своего темперамента она вела себя как маленькая дурочка: всегда возвращалась, обычно спустя всего несколько минут, просила прощения, ластилась, и страсть вспыхивала снова.

Поэтому, когда Ранамии связалась с мятежниками, чтобы они устроили это якобы похищение, она была уверена в том, что Фалу в тот же вечер, подобно тайфуну, примчится к руинам Аланги. Но этого не произошло, им пришлось заночевать в этом месте, и теперь утренний туман мелкими капельками оседал у них на ресницах.

Джио поскреб щетину и положил руки на меч у себя на коленях.

– Может быть, в этот раз она решила не возвращаться. Фалу всегда избавлялась от любовниц, как рыбак выбрасывает в море мелкую рыбу.

Но Ранами знала, что она не какая-то мелкая рыба, только не для Фалу. Она знала это, как знала все улочки в городе.

– Нашим отношениям три года. Какой рыбак будет столько времени держать у себя рыбу, которая его не устраивает?

Джио пожал плечами:

– Тут ты права, однако ее здесь нет.

– Держи своих людей наготове, – посоветовала Ранами. – Когда она придет, может снести пару голов у себя на пути.

План был далек от идеального, но все предыдущие попытки достучаться до Фалу были как об стенку горох. Как еще заставить ее слушать? Остров разделился, жители конфликтовали, видели перед собой разные цели. Единственный человек, который может залечить эту рану, – губернатор острова.

Нельзя было просто взять и сказать Фалу, что в сложившейся ситуации следует предпринять такие-то и такие-то политические шаги. Фалу надлежало понять, почему их следует предпринять, она должна прийти к этому пониманию сама, без помощи своей возлюбленной.

Как и большинство живущих в сточных канавах сирот, Ранами долгое время восхищалась дочерью губернатора издали, мечтала о расположении Фалу, о том, как она выберется из своей канавы и попадет прямоком во дворец. Но мечты

имеют смысл, пока они у тебя есть.

Снаружи донесся какой-то шорох. Ранами выпрямилась:

– Кажется, это...

Больше она ничего не успела сказать. Они услышали чей-то крик, потом глухой удар и лязг металла о металл. Ранами посмотрела на Джио, тот кивнул.

Что-что, а эффектно появляться Фалу умела. Глупая, безрассудная, любимая, несмотря ни на что. Ранами вскочила с кресла и подбежала к дверному проходу. Стены руин заросли мхом и плющом, но главные все еще были крепкими. На земле тут и там валялись куски резного отделочного камня. В период расцвета это было прекрасное место.

Подбежав к наружной двери, Ранами сразу увидела Фалу. У нее сжалось сердце и свело кишки, как будто она прыгнула со скалы в Бескрайнее море. Фалу с грозным видом стояла над сбитым с ног мятежником, челюсти у нее были крепко сжаты, на скулах ходуном ходили желваки. Фалу была красивой, но миловидной или очаровательной назвать ее точно никому бы не пришло в голову. Плавно изогнутые брови и припухлые губы – это не про Фалу. Щеки у нее были словно вырезаны из коралла, а нос крупный, такой сразу бросается в глаза. Брови черные и густые, как две ровные черты. Такой красотой обладают морские ястребы, или морские змеи, или разбивающиеся о скалы волны. То, что Ранами смогла ее бросить, иначе как чудом не назовешь.

– Фалу! – Их взгляды встретились, и Ранами вспомнила,

что они в ссоре. – Я в безопасности, меня никто не обидел.

А вот Фалу, очевидно, совсем забыла о ссоре. Плавным движением она вернула меч в ножны, в два шага подошла к Ранам и запустила пальцы ей в волосы. Они прижались друг к другу лбами. Ранам чувствовала, как у Фалу подрагивают пальцы.

– Я так испугалась, – задыхаясь, сказала Фалу. – Подумала... Мне следовало понимать, что кто-нибудь может желать тебе зла. Чего они хотят? Денег?

Фалу поцеловала Ранам, и та сразу забыла обо всем на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.